

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬ-
НОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кафедра иностранных языков

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ДЭВИДА
КЭМЕРОНА И ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА ПУТИНА)**

Магистерская диссертация

обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование
заочной формы обучения,
группы 02051582
Санивской Елены Анатольевны

Научный руководитель

к.филол.н., доцент
Зимовец Н.В.

Рецензент

к.филол.н., доцент
Беседина Т.В.

БЕЛГОРОД 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПАРАДИГМЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	7
1.1. Особенности политического дискурса.....	8
1.2. Лингвокультурологическая составляющая политического дискурса.....	17
1.2.1. Лингвокультурологическая маркированность дискурса.....	18
1.2.2. Культурологическая компонента как единица лингвокультурологического дискурса.....	26
Выводы по Главе 1	34
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РАКУРСЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	38
2.1. Особенности политического дискурса Дэвида Кэмерона.....	39
2.2. Особенности политического дискурса Владимира Владимировича Путина	55
Выводы по Главе 2	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	73
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	77
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	84
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	85

ВВЕДЕНИЕ

В данной магистерской работе исследуется роль лингвокультурологический составляющей в процессе построения модели политического дискурса, изучается влияние культурологически маркированных единиц на успешное формирование коммуникативных импульсов при реализации модели политического дискурса.

Актуальность настоящей работы обусловлена высоким интересом ученых к механизмам формирования различных типов дискурса. Если психологические и социологические аспекты этих механизмов изучаются уже довольно давно и представлены большим количеством научных трудов, то лингвокультурологическое направление является сравнительно молодым и, в силу этого, менее изученным. Причиной выбора нами именно политического дискурса для анализа послужила новая волна интереса к нему среди исследователей в последние годы в связи с мировыми процессами глобализации, информатизации и популяризации средств массовой информации. В этом ракурсе, на наш взгляд, лингвокультурологическая составляющая политического дискурса начинает играть особую роль как при построение данной дискурсивной модели, так и при ее анализе.

Объектом исследования является информационный код политического дискурса, который включает в себя лексику, синтаксис и грамматические формы.

Предметом данного исследования выступает культурологическая компонента, локализованная на лексическом уровне информационного кода в структуре политического дискурса.

Целью магистерской работы является анализ роли культурно маркированной лексики при выстраивании коммуникативных импульсов в процессе реализации политического дискурса.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие

задачи исследования:

- изучить теоретическую базу исследования политического дискурса в лингвокультурологическом ракурсе;
- проанализировать разные модели политического дискурса с целью выявления культурно маркированных единиц;
- сделать выводы о наличии/отсутствии закономерности между выбором культурно маркированной лексики и моделью политического дискурса, в коммуникативных импульсах которого данная лексика актуализируется.

Основной **теоретико-методологической базой** исследования послужили:

- основополагающие работы таких теоретиков языка: В. фон Гумбольта, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, И.А. Стернина;
- исследования в области политического дискурса А.Н. Баранова, Е.Г. Казакевич, Р. Мидоу, П.Б. Паршина, Е.Н. Шейгал;
- взгляды таких специалистов в области лингвокультурологии, как Н.Ф. Алефиренко, В.В. Воробьев, С.В. Иванова, В.В. Красных, Е.А. Огнева.

Материалом практического исследования послужили «Крымская речь» В.В. Путина, речь Д. Кэмерона накануне референдума о независимости Шотландии, словари: Longman Dictionary of English Language And Culture, Macmillan English Dictionary, «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Краткий словарь когнитивных терминов Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузиной, а также электронные словари: Словник української мови: в 11 томах, Толковый словарь Д.Н. Ушакова и Стилистический энциклопедический словарь русского языка».

При решении поставленных задач в данной работе использовались следующие **методы** лингвистического исследования: контент-анализ и когнитивный анализ представленных текстов, компонентный и дефиниционный анализ с применением различных русско- и англоязычных словарей, а также лингвистическое наблюдение и контекстуальный анализ.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней предпринят новый

подход к изучению политического дискурса, основанный на анализе лингвокультурологической составляющей коммуникативных импульсов, используемых в процессе реализации данного дискурса.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии теоретических представлений о дискурсивных моделях и способах их реализации. Синергия лингвокультурологических и политических факторов при формировании информационного кода политического дискурса может стать базой для дальнейших исследований в этом направлении.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных в ходе данного исследования выводов при написании статей, курсовых и дипломных работ по лингвокультурологии, политической лингвистике, теории и практике перевода. Также полученные результаты могут иметь практическое применение в политологии при анализе и составлении политических речей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лингвокультурологическая составляющая является основой информационного кода политического дискурса.
2. В зависимости от того, в рамках одной или нескольких лингвокультур осуществляется политический дискурс, лингвокультурологический аспект может оказать как позитивное, так и негативное влияние на реализацию данного дискурса.
3. Культурологическая компонента присутствует на разных языковых уровнях. В процессе реализации политического дискурса говорящий может манипулировать лингвокультурологической составляющей на некоторых ярусах. Культурологическая же маркированность на определенных языковых уровнях происходит неосознанно, а потому не поддается контролю со стороны говорящего.

Апробация исследования. Материалы магистерской работы были представлены на международной научно-практической конференции

«Experientia est optima magistra» 14-15 апреля 2016 года, г. Белгород.

По теме диссертации опубликовано 3 научных статьи.

Диссертационная работа имеет следующую **структуру**: введение, две главы (теоретическая и практическая), заключение, библиографический список, список лексикографических источников, список источников фактического материала. Общий объем работы – 76 стр.

Во Введении указаны сведения об актуальности, объекте, предмете, целях и задачах исследования, представлена информация о теоретико-методологической базе и материалах практического исследования, дан обзор методов лингвистического исследования, сформулирована научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, описана структура работы.

В теоретической главе рассматривается имеющаяся научная база для представленного исследования, разбирается понятие политического дискурса, его структура, существующие типы и дискурсивные модели. Также освещаются ключевые понятия лингвокультурологии, определяется понятие культурологической компоненты как ключевой единицы анализа, освещаются теории о культурологической маркированности политического дискурса.

В практической части проводится подробный анализ политических выступлений британского и российского политиков, разбирается структура представленных дискурсивных моделей с последующим анализом информационных кодов каждого из выступлений. Также исследуется наличие связи между характеристиками адресатов и выбором лингвокультурологических средств при формировании информационного кода.

В заключении суммируются полученные результаты, формулируются выводы и направления дальнейшего развития представленных идей.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПАРАДИГМЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Популяризация средств массовой информации, развитие интернета, появление новых политических технологий – все это, безусловно, ведет к повышению внимания к политической коммуникации, и, как следствие, политический дискурс перестает быть частью собственно дискурса, а выделяется в отдельный объект исследования, изучение которого берет на себя новая отрасль науки – политическая лингвистика. Тут стоит сделать оговорку на то, что если согласиться, что политический дискурс в своей основе имеет функцию борьбы за власть (агитации за власть, захвата и удержания власти, ее стабилизации), то истоки политической лингвистики можно найти еще в глубокой античности. Ведь проблемами политического красноречия занимались еще в Древней Греции и Риме. Стоит отметить, что в свое время проблемами и анализом политического дискурса интересовались такие деятели как Дейл Карнеги и Поль Сопер. Но пока это были лишь попытки углубиться в вопрос.

Политический дискурс в нашей стране стал изучаться сравнительно недавно, позже, чем в других странах. Это было связано прежде всего с политическим режимом. В СССР анализ политического дискурса не только не приветствовалось, но мог иметь и негативные последствия для исследователя. Все изменилось с наступлением так называемой эпохи «Перестройки». На этот период приходится настоящий бум исследований в данной области (В. Вовк, С.С. Ермоленко, Б.А. Зильберт, Н.А. Купина, Ю.И. Левин, Б.Ю. Норман и др.).

Безусловно, связь языка и политики очевидна, поскольку коммуникация является ключевым фактором функционирования любого политического строя. Некоторые ученые, такие как В. Дикман и М. Эдельман выдвигают мнение, что политическая деятельность по своей сути является деятельностью языковой. Действительно, отличительная черта политики как сферы человеческой деятельности состоит в ее дискурсивном характере. Язык в политике – не

просто инструмент выражения, хотя, без сомнения, он в полной мере выполняет и эту функцию. Но язык также и метод, главное орудие политики, которая в своей основе имеет борьбу за власть, и победителем из этой борьбы всегда выходит «тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием» [Будаев 2006: 82].

1.1. Особенности политического дискурса

Прежде чем перейти непосредственно к анализу политического дискурса с лингвокультурологической точки зрения, необходимо разобраться в том, что же подразумевается под этим термином, по каким критериям мы относим тот или иной текст или речевой акт к политическому и существует ли четкая граница, отделяющая политический дискурс от других видов дискурса.

Понятие политического дискурса является центральным в политической лингвистике. Поскольку данная дисциплина довольно молода и образована на стыке разных научных областей, то и само понятие политического дискурса является тоже довольно многоплановым и включает в себя множество аспектов. Как следствие такой многоаспектности, не существует единого подхода к определению политического дискурса.

А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич в своем исследовании характеризуют политический дискурс как совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов 1991: 6]. Другими словами, «политический дискурс конституируется, с одной стороны, совокупностью тем, становящихся предметом обсуждения, а с другой – принятыми языковыми способами обсуждения этих тем (дискурсивными практиками)» [Баранов 2004: 11].

В свою очередь Ю.А. Сорокин в своих трудах сужает понятие политического дискурса, определяя его в соотношении с идеологическим

дискурсом: «Политический дискурс есть разновидность – видовая – идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический – имплицитно прагматичен... Первый вид дискурса – субдискурс, второй вид дискурса – метадискурс» [Сорокин 1997: 57].

Другими словами, политический дискурс может пониматься в широком и узком смысле. В первом случае под определение политического дискурса попадают формы общения, где к политической сфере относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат или содержание дискурса. Во втором, более узком смысле, политический дискурс является разновидностью дискурса, цель которого – завоевание, сохранение и осуществление политической власти.

По мнению В.А. Масловой политический дискурс – это «процесс и результат порождения и восприятия текстов плюс экстралингвистические факторы, влияющие на их порождение и восприятие» [Маслова 2008: 44].

На наш взгляд, наиболее глубокий анализ понятия политического дискурса представлен в работе Е.И. Шейгал «Семиотика политического дискурса». По мнению исследователя, политически дискурс существует в двух измерениях: реальном и виртуальном. Под реальным измерением политический дискурс подразумевается, как «текст в конкретной ситуации политического общения», а его виртуальное измерение включает «вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [Шейгал 2000: 9].

Нужно отметить, что наряду с выражением политический дискурс зачастую используются также понятие политическая коммуникация и язык политики. Действительно ли эти понятия взаимозаменяемы? Большинство исследователей, в числе которых и Е.И. Шейгал, сходятся во мнении, что термины политическая коммуникация и политический дискурс синонимичны,

тогда как понятие политический язык или язык политики вызывает множество дискуссий.

К примеру, А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич говорят о том, что «политический язык – это особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений...» [Баранов 1991: 6]. По их мнению, политический язык специфичен и служит предметом политической коммуникации. Однако далеко не все ученые разделяют данную точку зрения. П.Б. Паршин говорит о том, что политический язык в том смысле, в котором его подразумевают А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич вовсе не так специфичен: «Совершенно очевидно, что чисто языковые черты своеобразия политического дискурса немногочисленны и не столь просто поддаются идентификации. То, что обычно имеется в виду под «языком политики», в норме не выходит за рамки грамматических, да, в общем-то, и лексических норм, соответствующих идиоэтнических («национальных») языков – русского, английского, немецкого, арабского и т.д.» [Паршин 1999: <http://www/elections/ru/biblio/parshin/htm/>].

Созвучны этим идеям тезисы, выдвинутые Д. Грейбером. Он говорит о том, что политический язык – это не специфическая терминология или грамматика, а содержание информации, «социальный контекст» и функции, которые этот язык выполняет. «Когда политические агенты (actors) общаются на политические темы, преследуя политические цели, то, следовательно, они говорят на языке политики» [Graber 1981: 196].

Мы позволим себе согласиться со сторонниками теории того, что язык политики – это все-таки скорее специфическое содержание, нежели форма. При этом устойчивые выражения и разнообразные клише присущи языку политики в незначительном количестве. Это объясняется тем, что политический язык – это инструмент манипулирования широкими массами, выполняющий основную функцию политического дискурса – убеждающую функцию.

Перенасыщенность его специфической терминологией может повлечь за собой разрыв цепочки адресант-коммуникативный импульс-адресат. По П.Б. Паршину «для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [Паршин 1987: 403].

Итак, в нашей работе под политическим дискурсом мы будем понимать коммуникативное сообщение в рамках конкретной политической ситуации, экстралингвистический фон, а также вербальные и невербальные знаки, направленные на позитивную реализацию данного коммуникативного сообщения. Инструментом политического дискурса служит политический язык, который является своего рода подязыком, особенность которого состоит не в использовании специфических форм, а в нестандартной интерпретации имеющихся, когда меняется соотношение между означаемым и означающим. Другими словами, политически ориентированное коммуникативное сообщение может нести некий неэксплицитный смысл, отличающийся, а иногда и вовсе противоположный буквальному. Иногда именно этот неэксплицитный смысл является «истинным» смыслом текста [Паршин 1987: 407].

Как уже отмечалось нами выше, дискурс – явление многоплановое, и, следовательно, может изучаться и анализироваться с позиций разных дисциплин – прагмалингвистики, психолингвистики, дискурсологии, лингвокультурологии, философии, социолингвистики. В рамках последней принято выделять два типа дискурса – персональный или личностно-ориентированный и институциональный или статусно-ориентированный.

Данная типология была предложена В.И. Карасиком. Главным критерием здесь является дистанция или, другими словами, степень отношений между участниками дискурса. «Мы говорим о личностно-ориентированном общении, если нам хорошо известен собеседник, если мы стремимся не только передать некоторую информацию или оказать определенное воздействие на него, но и раскрыть свою душу и попытаться понять внутренний мир адресата. Адресат в

таком общении интересует нас во всей полноте своих характеристик. В случае статусно-ориентированного общения коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей (начальник и подчиненный, клиент, пациент, пассажир, прихожанин, ученик и т.д.)» [Карасик 2002: 202]. Персональный дискурс ученый подразделяет на бытовой и бытийный. Главное отличие первого от второго заключается в том, что бытовой дискурс диалогичен и сводится в основном к решению повседневных проблем в то время как бытийный дискурс – это, как правило, развернутый монолог, общение наполнено более глубокими смыслами. Зачастую бытийный дискурс представлен художественными произведениями.

Статусно-ориентированный или институциональный тип характерен для дискурсов различных социальных институтов. Социальный институт – это «комплекс норм, правил, символов, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, с помощью которых удовлетворяются основные жизненные и социальные потребности» [Волков 2003: 156]. Помимо политического дискурса к институциональному можно также отнести дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный.

Системообразующими признаками статусно-ориентированного дискурса являются участники и цели коммуникации. Участники – это представители института или агенты и люди, обращенные к ним, или клиенты. Агенты – это профессионалы, облеченные властью в своей области (юристы, врачи, педагоги, священники, администраторы и т.д.), клиенты – люди, нуждающиеся в их услугах. Примечательно, что отличительной чертой политической коммуникации от остальных типов институционального дискурса является то, что адресат («клиент») в данном случае чаще массовый, иногда – групповой, и

только в редких случаях – индивидуальный, в отличие от того же юридического, торгового, педагогического и других видов коммуникации, где наблюдается обратная тенденция. Е.Н. Шейгал в своей работе предлагает следующие варианты коммуникации для политического дискурса: «институт ↔ институт, представитель института ↔ представитель института, институт ↔ граждане; институт ↔ гражданин; представитель института ↔ граждане; представитель института ↔ гражданин» [Шейгал 2000: 61].

Ценности политической коммуникации как правило представлены ключевыми концептами, присущими данному типу дискурса – это власть, влияние, воздействие. Тематика – взаимоотношения между «агентами» и «клиентами». Причем эти отношения «могут быть представлены в форме монолога или диалога любыми жанрами СМИ (письменными и устными). Тексты такого типа носят культурогенный характер, то есть затрагивают все области общественных отношений, заключая в себе определенный подтекст. Дискурсивные формулы данного типа дискурса – своеобразные речевые обороты, свойственные общению в политическом институте и тщательно исследуемые современными учеными-лингвистами» [Пескова 2005: 187].

Однако, говоря об институциональном дискурсе, нужно все-таки отметить условность его границ. Об этой условности говорят такие понятия как полевая структура дискурса, интердискурсивность и дискурсивная гетерогенность (по аналогии с текстовой гетерогенностью).

Мы знаем, что полевая структура подразумевает наличие некоего ядра и периферии. Ядро институционального дискурса – прототипичные жанры, т.е. «жанры, с которыми данный дискурс ассоциируется в первую очередь, жанры, в которых в концентрированной форме выражены социальная миссия данного института и задачи, стоящие перед ним» [Данилова 2015: 318]. Такие исследователи как Б.С. Каримова, Е.И. Шейгал и Е.Ю. Алешина рассматривают политический дискурс как «конгломерат жанров, имеющий полевую структуру, в центре которой находятся жанры, прототипичные для данного типа дискурса,

а на периферии – «маргинальные» (контаминированные) жанры, имеющие двойственную природу и находящиеся на стыке разных типов дискурса» [Каримова 2006: 38-39]. Таким образом, мы подошли к понятию интердискурсивности.

В.Е. Чернявская определяет интердискурсивность через текстовые системы. Так, если влияние текстовых систем «...актуализируется не через языковые знаки, но как сходство тем, сюжетов, мотивов, и т.д., то, очевидно, имеет место диалог дискурсов, т.е. интердискурсивность» [Чернявская 2013: 212]. С другой стороны, О.С. Иссерс определяет интердискурсивность как «переключку» дискурсов, то есть наличие в текстах, относящихся к одному типу дискурса «следов» (синтаксических конструкций, речевых оборотов, фразеологизмов, лексических единиц и проч.) других дискурсов [Иссерс 2015: 39, 45-50]. На наш взгляд, оба этих подхода не исключают, а скорее дополняют друг друга. Однако, интердискурсивность, как ее видит О.С. Иссерс, переключается с понятием дискурсивной гетерогенности, когда один тип дискурса строится по модели, характерной для другого типа дискурса. Причина данной тенденции лежит в желании автора («агента») привлечь внимание «клиента» к коммуникативному высказыванию средствами придания ему необычной формы, специфического наполнения или синтаксического оформления. Так, к примеру, в речах современных политиков все чаще появляются различные стилистические приемы (метафоры, сравнения, ирония и др.), общепринятые клише зачастую заменяются нестандартными грамматическими конструкциями. Также наблюдается тенденция к упрощению вокабуляра, наряду со специфическими терминами все чаще используется бытовая лексика.

Говоря о различных методах анализа политической коммуникации, нужно упомянуть американского исследователя Р. Мидоу, который предлагает выделять шесть фундаментальных подходов к исследованию политического

дискурса: системный, лингвистический, символический, функциональный, организационный и экологический.

С точки зрения системного подхода, коммуникация анализируется в терминах интеракции между элементами системы и связывается с понятием социального контроля.

Лингвистический подход концентрирует свое внимание на языке, который опять-таки является средством социального контроля. По мнению приверженцев данного подхода, представители социальных институтов, т.е. политические деятели или «агенты», используют специфический язык, при помощи которого заставляют «клиентов» прислушиваться к их требованиям.

Суть символического подхода в анализе механизмов создания и распределения символов, т.к. по данному подходу рассматривает политику в терминах обмена символами: лидерство осуществляется в основном через манипуляцию символами и распределение символических наград.

Сторонники функционального подхода занимаются анализом значения коммуникации для политической системы.

Организационный подход представляет правительство как крупную бюрократическую организацию, связанную с теми же проблемами и ограничениями, что и любая другая организация. С этой точки зрения анализ политической коммуникации концентрируется на внутриправительственных информационных потоках и акцентирует внимание на факторах, ограничивающих этот поток и дифференцирующих доступ к информации.

Экологический подход анализирует политическую коммуникацию в аспекте воздействия на нее политической системы. Любая политическая система формирует определенную среду, в которой формируются институты коммуникации и регулируются процессы коммуникации в обществе в целом.

Нашему же исследованию ближе подходы, рассматривающие политическую коммуникацию с лингвистического ракурса. Тут выделяют дескриптивный и критический подход.

Дескриптивный подход включает в себя как классическую методiku риторического анализа публичных выступлений, так и исследование поведения современных политиков, изучение риторических приемов и языковых средств манипуляции. Дескриптивный подход освещается в трудах таких ученых, как А.Н. Баранов, П.Б. Паршин и др.

Контент-анализ, как направление дескриптивного подхода, представляет собой метод анализа, при котором с помощью компьютерной обработки изучаются большие корпуса текстов (или речей) политической направленности. Исследователи ориентируются на количественные данные, на основе которых делаются выводы о качественных характеристиках политической коммуникации. Контент-анализ призван анализировать соотношение в речах политиков содержания, ориентированного на общественные проблемы и на личные характеристики политиков, а также распределение в политическом дискурсе акцентов на прошлое настоящее и будущее. Контент-анализ освещался такими учеными, как У. Бенуа, Л. Бразеаль, А. Ключовски, В. МакХейл, П. Пир, В. Уэллс, А. Харткок и др.

Критический подход представлен в работах, Р. Водак, Т. ван Дейка, Н. Фэрклоу и некоторых других ученых. Его суть в критическом изучении социального неравенства, выраженного в дискурсе. Материалом для критического анализ обычно являются политические тексты, отражающие неравенство коммуникантов. Анализ таких текстов помогает выявить результаты воздействия имплицитных установок, говорящих на восприятие информации адресатами.

В настоящее время широкое распространение в исследованиях политического дискурса получает когнитивный подход.

Когнитивная лингвистика – это «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Кубрякова 1996: 53]. В

центре внимания когнитивного подхода находится язык, который по мнению когнитивистов несет в себе основу к пониманию человеческого поведения. В рамках данного подхода анализируются фреймы, метафорические модели и концепты политического дискурса. Когнитивный подход описывается в трудах А.Н. Баранова, М.В. Ильмана, Ю.Н. Караулова, Э. Лассана, Н.А. Чабана и др.

Суммируя вышесказанную информацию, можно сказать, что в современной политической лингвистике можно выделить четыре метода анализа:

- 1) критический анализ политического дискурса;
- 2) контент-анализ политического дискурса;
- 3) риторический анализ политического дискурса;
- 4) когнитивный анализ политического дискурса;

Некоторые из этих методов уже хорошо изучены и имеют большую теоретическую и практическую базу, другие, в частности, когнитивный анализ, на данном этапе являются сравнительно молодыми, хотя и уже хорошо зарекомендовавшими себя, методами. При анализе политического дискурса важно иметь в виду, что при имеющихся базовых различиях данные подходы не являются автономными. Напротив, эти методы не просто взаимопроникаемы, они могут очень хорошо дополнять друг друга.

1.2. Лингвокультурологическая составляющая политического дискурса

Идеи взаимосвязи языка, культуры и народа уже далеко не новы. Эти идеи были сформулированы еще в 19 веке немецким ученым В. фон Гумбольдом и позже нашли свое продолжение в трудах множества исследователей по всему миру. Широкое распространение получили тезисы ученого о том, что «разные языки по своей сути, по своему влиянию на разные чувства являются в действительности различными мировидениями» и что «своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно

включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [Гумбольдт В. фон 1985: 370, 377]. Также В. фон Гумбольдт говорил о том, что «всякое изучение национального своеобразия, не использующее язык как вспомогательное средство, было бы напрасным, поскольку только в языке запечатлен весь национальный характер» [Гумбольдт В. фон 1984: 303].

1.2.1. Лингвокультурологическая маркированность дискурса

На сегодняшний день утверждение о том, что язык и культура тесно взаимосвязаны уже является аксиомой, подтвержденной многочисленными исследованиями. Реализуясь в процессе коммуникации, языковые знаки приобретают способность «выполнять функцию знаков культуры» и «служат в этом случае средством представления основных установок культуры, кода культуры. В когнитивной лингвистике «код культуры» определяется как сетка, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его в процессе самоорганизации» [Огнева 2015 (а): 13]. Следовательно, дискурс по своей сути, «категория лингвокультурологическая» [Алефиренко 2003: 12]. Ведь независимо от того, определяется ли дискурс как текст, речь, процесс и результат коммуникации, вербализованная речемыслительная деятельность (по В.В. Красных), в его основе всегда находится язык, причем язык тут понимается не как имманентная независимая система. Язык в дискурсе интегрирован. Анализируя язык любого, в том числе и политического дискурса, мы анализируем информацию об участниках дискурса, их сознании, ментальности, а также знания о культуре.

Е.А. Огнева предлагает рассматривать дискурс «в виде комплексной матричной социомодели, изучение которой находится на стыке трёх научных сфер: лингвокультурологии, лингвокогнитивистики и социолингвистики» [Огнева 2015 (б): 569]. Данная модель – явление постоянно эволюционирующее и может быть представлена «в виде динамической совокупности дискурсивных

формаций» [Огнева 2015 (б): 569], где под дискурсивными формациями понимаем когнитивные знания, образующиеся «на пересечении коммуникативной и когнитивной составляющих дискурса. К коммуникативной составляющей относятся возможные позиции и роли, которые предоставляются в дискурсе носителям языка – языковым личностям. К когнитивной составляющей относится знание, содержащееся в дискурсивном сообщении. Дискурсивные формации переплетаются между собой, частично совпадая по коммуникативным и когнитивным признакам, по используемым жанрам» [Ревзина 2005: 68]. Эволюция дискурсивных формаций обуславливает процесс трансформации дискурсивной модели социума. Е.А. Огнева предлагает следующую схему трансформаций дискурсивной модели социума [Огнева 2015 (б): 571]:

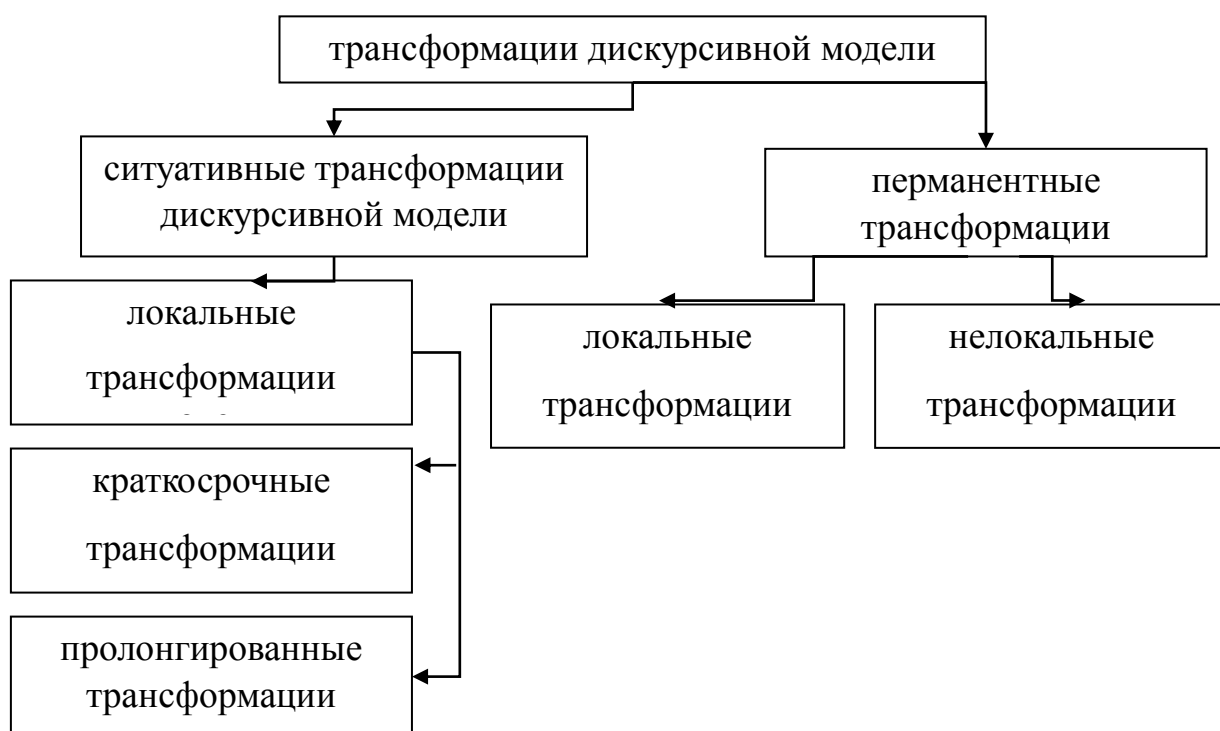

Схема. 1. Трансформации дискурсивной модели социума

Главное отличие ситуативных трансформаций дискурсивной модели от перманентных состоит в том, что в первом случае трансформации как правило

обусловлены «экстралингвистическими факторами реализации той или иной коммуникативной ситуации», а во втором – «историческими, экономическими, политическими и другими факторами развития общества» [Огнева 2015 (б): 570]. При этом в рамках одного лингвокультурного социума может быть несколько культурологических моделей «синергия которых способствует существованию общей лингвокультурологической модели в той или иной отдельно взятой стране мира или нескольких странах, объединённых в какие-либо союзы» [Огнева 2015 (а): 15]. Связующим звеном в этом процесс является язык, как средство выражения и отражения языковой картины мира лингвокультурного сообщества.

Итак, язык – это необычайно сложное, многоаспектное явление. «Свойства языка настолько своеобразны, что можно, по существу, говорить о наличии у языка не одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для возникновения целостной лингвистики» [Бенвенист 1974: 45]. Ю.С. Степанов в своей работе представляет язык в виде нескольких образов: 1) язык как язык индивида; 2) язык как член семьи языков; 3) язык как структура; 4) язык как система; 5) язык как тип и характер; 6) язык как компьютер; 7) язык как пространство мысли и как «дом духа» (по М. Хайдеггеру), т.е. язык как результат сложной когнитивной деятельности человека. Однако, уже к концу 20 в. сформировался еще один образ: язык как продукт культуры, как ее важная составляющая. Именно в это время наблюдается всплеск развития лингвокультурологии. Интерес к этой области не был внезапным, скорее его можно назвать закономерным результатом развития языкознания в последние десятилетия. В.И. Карасик в своем труде «Языковой круг – личность, концепт, дискурс» говорит о том, что «выход лингвистики в лингвокультурологию подсказан неизбежным вопросом о том, частью чего является язык». Автор говорит о том, что язык есть составляющее наиболее общих феноменов бытия. Язык – это и компонент коммуникативной деятельности, и средство воздействия, побуждающий людей к различным

действиям, и хранилище коллективного опыта. Когда говорят о культурологическом изучении языка, обычно подразумевают анализ языковых единиц, помогающий выявить национально-культурную специфику [Карасик 2002: 73].

Таким образом, мы подошли к определению понятия лингвокультурология. Однако сначала нужно все-таки разобраться, каков же дисциплинарный статус лингвокультурологии – лингвистический или культурологический. Надо сказать, что однозначного ответа на данный вопрос не существует. Можно говорить о двух точках зрения, двух подходах. Сторонники культурологического подхода определяют лингвокультурологию как раздел культурологии, а не лингвистики, мотивируя это тем, что лингвокультурная компетентность, как составляющая культурной компетентности, – это феномен культуры, а не языка.

Не отрицая права на существования такого подхода, мы разделяем взгляды сторонников лингвистического понимания статуса лингвокультурологии, которые опираются на идеи таких ученых как В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня и других теоретиков, которые говорили о том, что «язык – это не просто зеркало культуры, он сам способен влиять на формирование культуры нации. Другими словами, «язык может пониматься и как компонент культуры, и как ее орудие» [Зимовец 2017: 154]. При этом язык может рассматриваться автономно, не привязываясь к какой-либо культуре, и тогда он становится предметом структурной лингвистики. Но если мы рассматриваем язык в сравнении с культурой, то мы имеем дело уже с лингвокультурологией. На наш взгляд, именно эти тезисы говорят в пользу лингвистического статуса данной дисциплины.

В.А. Маслова определяет лингвокультурологию как «отрасль лингвистики, возникшую на стыке лингвистики и культурологии и исследующую проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова 2001: 8]. Сходное определение можно найти у Е.О.

Опариной, которая под лингвокультурологией понимает «гуманитарную дисциплину, изучающую воплощённую в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» [Опарина 1999: 30].

В.И. Карасик в своей работе «Языковая матрица культуры» говорит о лингвокультурологии как о направлении языкознания, нацеленном на изучение культуры в языке и языка в культуре, т.е. поиск закономерностей языкового преобразования действительности. По В.В. Красных лингвокультурология – это дисциплина, изучающая «проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002: 12].

Пожалуй, наиболее развернутое определение было дано В.В. Воробьевым в его работе «Лингвокультурология: теория и методы», согласно которой лингвокультурология – это «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев 1997: 36-37].

В данном исследовании вслед за Н.Ф. Алефиренко под современной лингвокультурологией мы будем понимать научную дисциплину, изучающую «(а) способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, (б) особенности представления в языке менталитета того или иного народа, (в) закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [Алефиренко 2010: 21].

Не смотря на свою «молодость», лингвокультурология, как и любая самостоятельная дисциплина, имеет свой объект, предмет и цель.

В приведенной ниже таблице представлены несколько определений объекта и предмета лингвокультурологии, взятые из разных источников.

Таб. 1. Объект и предмет лингвокультурологии

Объект лингвокультурологии	Предмет лингвокультурологии
1. По В.А. Масловой	
Исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком.	Единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорках (поговорках) и т.д.
2. По Н.Ф. Алефиренко	
Языковая / дискурсивная деятельность, рассматриваемая с ценностно-смысловой точки зрения.	Ценностно-смысловое пространство языка.
3. По В.В. Красных	
Язык как отражение и фиксация культуры и культуры сквозь призму	Единицы языка и дискурса, обладающие культурно-значимым

языка.	наполнением, являющиеся тем «каналом», по которому мы можем войти в культурно-исторический пласт ментально-лингвального комплекса.
4. По В.В. Воробьеву	
Взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия, как единой системной целостности.	Материальная и духовная культура, созданная человечеством и выраженная в языке.

Итак, как мы видим из приведенной таблицы объект лингвокультурологии располагается на стыке лингвистики, этнографии, культурологии и психолингвистики. Это язык, но не сам по себе, как автономное образование, а язык в его актуальном функционировании, ценностно-смысловой наполненности. Предметом же как раз и являются культурно-смысловое наполнение, нашедшее свое отражение в единицах языка или лингвокультуремах. Лингвокультурема как «комплексная межуровневая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания» [Воробьев 2008: 44-45]. Эта единица более обширная, чем слово, т.к. не ограничивается собственно языком, выходит за его рамки, затрагивая предметный мир. Помимо составляющих «знак-значение» в лингвокультуреме добавляется еще и культурная составляющая или экстралингвистическое содержание.

Наряду с термином лингвокультурема в лингвокультурологии также используется термин лингвокультурный концепт. И хотя эти два понятия сходны

по своему значению, они не являются полностью синонимичными. Лингвокультурный концепт, в отличие от лингвокультуремы, имеет ментальную природу, поскольку «именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры» [Смирнова 2010: 91]. Ю.С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997: 40].

Карасик в своей книге «Языковой круг: личность, концепт, дискурс» определяет лингвокультурный концепт как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик 2002: 91]. Сходной точки зрения придерживается Е.А. Огнева, которая также рассматривает лингвокультурный концепт в виде трехкомпонентной модели, которая «имеет ценностный, фактуальный и образный элементы. Ценностный и фактуальный элементы лингвокультурного концепта хранятся в сознании в вербальной форме и могут воспроизводиться в речи непосредственно, образный элемент невербален и поддается лишь описанию» [Огнева 2011: 43].

Лингвокультурные концепты моделируют лингвокультурологическую картину мира. Языковая картина мира – это «совокупность представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, зафиксированных в единицах языка» [Попова 2015: 7]. Лингвокультурология видит языковую картину мира как систему «знаний о культуре, воплощенной в определенном национальном языке, а индивидуальное употребление лингвокультурем сменяется лингвокультурной компетенцией как социально значимой системой» [Алефиренко 2010: 27]. «Под лингвокультурной компетенцией понимается способность к распознаванию и адекватному восприятию культурной коннотации, т. е. соотношению смыслового содержания языкового знака с ассоциативно-образной мотивацией, лежащей в основе

выбора того или иного слова сквозь призму ценностных установок своей этнокультуры (ср.: Блинова, 2007; Юрина, 2005)» [Алефиренко 2010: 25]. Говоря о языковой и, в частности о лингвокультурологической, картине мира, нельзя обойти вниманием понятие языковой личности. Ведь именно человек является носителем языка и культуры. По меткому выражению С.В. Ивановой именно с языковой личности «начинаются и на ней замыкаются культурологические и языковые процессы. Воздействие культуры на язык осуществляется через языковую личность. Но и обратное движение своим рычагом имеет языковую личность» [Иванова 2005: 43]. В широкий обиход это понятие было введено Ю.Н. Карауловым. Он определяет языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [Караулов 1989: 3]. Вслед за Ф. де Соссюром, который говорил о том, что за каждым текстом стоит система языка, Ю.Н. Караулов резюмирует, что «за каждым текстом стоит языковая личность» [Караулов 1987: 5]. Другими словами, языковая личность – это носитель языка, где под языком понимается не просто автономная система знаков, а способ передачи опыта того или иного лингвокультурного общества.

1.2.2. Культурологическая компонента как единица лингвокультурологического дискурса

«Язык, как барометр, точно отражает все колебания и особенности нравов, обычаев, верований, способов мышления; в нем, как в зеркале, непосредственно отражаются различные модели «видения» мира, характерные для отдельных человеческих коллективов на протяжении их истории, а тем самым и различные возможности формирования и развития языковых значений и формы» [Маковский 1996: 16]. Е.С. Кубрякова в свою очередь говорит о том, что «язык выявляет и объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием» [Кубрякова 1997: 37-

38]. Данные тезисы еще раз подчеркивают национальный характер мышления, который, в свою очередь, накладывает отпечаток на дискурсивные структуры. Таким образом, мы можем говорить о том, что любой текст и любой дискурс является продуктом культуры.

Языковые единицы, несущие в своей семантической структуре культурно-специфические смыслы, могут рассматриваться в качестве лингвокультурных маркеров национальных дискурсов. Под национальным дискурсом мы, вслед за В.В. Красных понимаем «вербализованную речемыслительную деятельность, представляющую собой совокупность процесса и результата, осуществляемую на определенном национальном языке, отражающую специфику организации культурно-когнитивного пространства носителей определенной лингвокультуры, несущую в себе совокупность значений всех культурных феноменов данного лингвокультурного сообщества» [Красных 2003: 114]. Политический дискурс, представляя собой разновидность национального дискурса, без сомнения является культурно маркированным. При исследовании данных культурных маркеров возникает вопрос о выборе единицы лингвокультурологического анализа. Мнения разных исследователей относительно этого вопроса расходятся. К примеру, В.В. Воробьев единицей исследования предлагает считать лингвокультурему, о которой уже говорилось выше, и архикультурему – лексическую единицу с культуроносной семантической долей. Единицы семантического поля раскрывают содержание архикультуремы и, в свою очередь, сами могут образовывать микрополя. Таким образом, лингвокультурология по В.В. Воробьеву концентрируется в основном на лексических единицах.

Аналогичного подхода придерживается также Н.Г. Брагина, которая объектом лингвокультурологического исследования называет «стабильные, культурно маркированные словосочетания, в частности те, которые принадлежат к нематериальной культуре» [Брагина 1999: 132-133] и В.Г. Гак, предлагающий понятие культуремы в качестве единицы

лингвокультурологического анализа. Культурема представляет собой совокупность определенных знаков, с помощью которых рассматривается культура. Структура культуремы по В.Г. Гаку – это «план выражения + план содержания + прагмема (т.е. реалия)» [Гак 1998: 142].

Свой вариант единицы лингвокультурологического анализа предлагают также В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова. Логоэпистемы – это единицы, «которые являются формой вербализации смыслов, вкладываемых человеком в свои творения и действия» [Костомаров 2000: 3]. Логоэпистемы могут быть представлены единицами языка разных ярусов – от слов до сверхфразовых единств.

Рассуждая об единицах лингвокультурологического анализа, нельзя не упомянуть лакуны. И хотя лакуна, как термин «для того, что есть в одной локальной культуре и чего нет в другой» [Антипов 1989: 85], бесспорно является понятием лингвокультурологическим, но использование ее в качестве основной единицы лингвокультурологического исследования представляется сомнительным в силу того, что лакуны ограничивают методологическую базу исследования до сопоставительной части.

Более универсальным в этом плане представляется термин «фоновая лексика», предложенный Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым. Под фоновой лексикой они подразумевают «слова с неполноэквивалентностью фонем, которая обусловлена существованием дополнительных семантических долей, то есть признаков, по которым объект включается или не включается в объем лексического понятия. Фоновая лексика вбирает в себя знания о географических, исторических и культурологических особенностях слова» [Верещагин 1983: 59]. Однако, к примеру, С.В. Иванова в своей работе «Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц» обращает внимание на то, что указывать на национальные и культурные особенности способны единицы, принадлежащие разным стратумам языковой системы, а не только лексическому. По ее мнению, «дух народа ищет выхода и находит

отражение и на уровне фонетики, и на уровне грамматики, и на уровне лексики, и на уровне текста», а «адекватными инструментами проведения лингвокультурологического анализа являются понятия культурологической маркированности, культурологической компоненты и лингвокультурного кода» [Иванова 2005: 62-63].

Культурологическая маркированность представляет собой результат взаимодействия языка и культуры и проявляется в функционировании культурологической компоненты, которая маркирует языковые единицы, относящиеся к разным уровням языковой системы. Культурологическая компонента – это культурно-ценностная информация, совмещенная с языковым значением и локализованная в единицах языковой системы. «Культурологическая компонента может находить выражение в языковых единицах, относящихся к разным ярусам языковой системы» [Иванова 2005: 63]. При этом, по утверждению С.В. Ивановой, культурологическая компонента на лексическом уровне обладает большей динамичностью, чем на грамматическом уровне. «Причина кроется в более выраженной стабильности грамматической системы того или иного языка» [Иванова 2005: 65].

Итак, культурологическая маркированность подразумевает присутствие в языковых единицах дополнительного слоя некой национально-культурной информации, которая выявляется благодаря действию культурологической компоненты.

Существуют несколько подходов к вопросу выявления культурологической компоненты. К примеру, И.А. Стернин выделяет три макрокомпонента лексического значения слова: денотативный (понятие), коннотативный (дополнительный, включающий выражение эмоции, оценки и функционально-стилистические особенности слова) и эмпирический (обобщенное чувственное представление о предмете номинации). Ученый отмечает, что «национально-культурное своеобразие может быть обнаружено во всех трех макрокомпонентах значения» [Стернин 1985: 144].

Л.А. Новиков в свою очередь выделяет следующие аспекты лексического значения:

1. Сигнификативное значение – отражает отношение «знак-понятие»;
2. Структурное значение – отражает отношение «знак-знаки»:
 - 2.1. Синтагматическое структурное значение – линейные связи;
 - 2.2. Парадигматическое структурное значение – нелинейные отношения;
3. Прагматическое (эмотивное) значение – отношение «говорящий-знак»;
4. Сигматическое (ситуативное) значение - отношение языковой единицы к конкретному предмету обозначаемой действительности (данной ситуации).

Для локализации культурологической компоненты такие исследователи, как С.В. Иванова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров предлагают использовать «семантический треугольник», разработанный американскими учеными С.К. Огденом и И.А. Ричардсом в их совместном труде «Значение значения: Исследование влияния языка на мышление и научный символизм», опубликованном в 1923 году. А.В. Соколов в своей книге «Введение в теорию социальной коммуникации» с некоторыми дополнениями воспроизводит данный треугольник следующим образом [Соколов 1996: 113]:

Схема 2. Семантический треугольник

На данной схеме можно увидеть модель взаимосвязи трех логико-лингвистических категорий:

1. «денотат» (в лингвистике «референт») - данный в ощущениях объект реальной действительности;
2. «понятие» или «концепт» (в лингвистике «значение» или «смысл») - возникающий в сознании людей мысленный образ (психологическое представление) о данном объекте;
3. «имя» (в лингвистике «слово», «лексема») - принятое в человеческом обществе наименование объекта [Соколов 1996: 112-113].

Исследования показали, что культурологическая компонента может быть локализована в любом из перечисленных элементов треугольника.

Примерами культурологической маркированности референта могут служить лакуны и прочие слова, характеризующие жизненный уклад лингвокультурного сообщества. Наличие данных лексических единиц обусловлено окружающей национальной и культурной действительностью.

Культурологической маркированностью может обладать понятие, обозначаемое лексической единицей. К примеру, возьмем лексему «премьер-министр» и посмотрим ее дефиницию в русском и английском толковых словарях. В словаре С.И. Ожегова премьер-министр – «глава правительства, председатель совета министров» [Ожегов 1984: 504]. В словаре Longman Dictionary of English Language And Culture prime minister – «the chief minister and leader of the government in certain countries especially those with a parliamentary system of government» [LDELС 2002: 1061]. На уровне референта различий не наблюдается. Именно наличие культурологической компоненты на понятийном уровне указывает на то, что данные лексические единицы далеко не равнозначны – роль, полномочия и обязанности премьер-министра в Великобритании и России различаются. Следовательно, при наличии эквивалентного референта и лексемы, понятия, стоящие за ними, различаются в

британской и российской лингвокультурах.

Культурологическая маркированность на уровне самого языкового знака обуславливается тем, что он может порождать «культурно обусловленные образы». Это объясняется тем, что лексико-семантическая информация, составляющая план содержание языковой единицы, «включает в себя не только лексическое значение, но и прагматическую и синтаксическую информацию, отражающую требования данной лексемы к ситуативному и языковому контексту» [Кобозева 2000: 79]. В структуру лексико-семантической информации входят сигнификативный, денотативный, прагматический и синтаксический компоненты. Сигнификат – это ядро лексического значения «совокупность существенных признаков обозначаемых словом объектов» [Кобозева 2000: 81]. «Денотат определяется как связанный с данным словом в сознании носителя языка целостный образ типичного, эталонного представителя, соответствующего данному слову класса сущностей» [Кобозева 2000: 83]. Прагматический слой «содержит информацию об отношении человека, использующего данное слово, к обозначаемому слову объекту или адресату сообщения, а также специфическую для данной лексемы информацию о тех речевых действиях, которые можно осуществлять с ее помощью (о ее прагматических функциях)» [Кобозева 2000: 87]. Синтаксический компонент представляет собой «сочетаемое требование» или «отношения знака к другим знакам в речи» [Кобозева 2000: 96].

Культурологически маркированным может оказаться любой из данных компонентов. На сигнификативном уровне можно говорить о единицах неполного соответствия (термин Ю.Д. Апресяна [Апресян 1979: 504]). Л.С. Бархударов отмечает, что «случаи полного совпадения слов в разных языках относительно редки» [Бархударов 1980: 12]. Причем, чем сложнее значение слова, «чем больше разных идей впрессовано в одно значение, тем больше вероятность того, что комбинация идей окажется уникальной» [Апресян 1979: 505]. Это свидетельствует о различиях в категоризации мира.

Культурологически маркированным может оказаться денотат лексемы, т.е. образное значение слова. К примеру, такие слова как «душа» или «судьба», в английском и русском языках являются эквивалентами на сигнификативном уровне. Однако в русском языке данные единицы обладают определенной культурологической маркированностью на ментальном уровне. А. Вежбицкая полагает, что в них «раскрывается и отражается русский национальный характер, что предопределяет их уникальность для русской культуры» [Вежбицкая 1997: 33]. На прагматическом уровне культурологическая маркированность выражается в отношении говорящего к обозначаемому или к адресату, а также в коннотативной окраске лексических единиц [Зимовец 2017: 158]. С.В. Иванова в качестве примера приводит английское прилагательное «cheap» и русское «дешево», указывая на отрицательную окраску первого в отличие от его русского эквивалента [Иванова 2005: 90]. Если мы возьмем в качестве примера русское прилагательное «амбициозный» и его английский эквивалент «ambitious», то здесь можно наблюдать обратную тенденцию. В русском варианте данная лексическая единица имеет явно негативную коннотацию. Данные различия являются результатом национально-культурной специфики стран. И, наконец, культурологическая маркированность может быть обусловлена «теми компонентами значения, которые выявляются через сочетаемостные возможности» [Арнольд 1979: 10], так как национально-культурная специфика лучше всего видна в синтагматических связях.

Таким образом, культурологическая маркированность создается наличием культурологической компоненты. Такие понятия, как лакуна, лингвокультура, лингвоэпистема, фоновая лексика и прочие единицы лингвокультурологии в своей основе имеют культурологическую компоненту. При этом понятие культурологической компоненты гораздо более емкое, так как может быть использовано на разных уровнях языковой системы в то время, как другие перечисленные термины приоритетом имеют один из ярусов.

Выводы по Главе 1

Итак, политический дискурс как основной инструмент политического воздействия всегда представлял большой интерес для исследователей. Закономерным результатом этого интереса стало появление научной дисциплины, называемой политической лингвистикой, которая возникла на стыке таких наук как политология, собственно лингвистика, а также социология, психология, когнитивная лингвистика и др. Вследствие такой интердисциплинарности, а также относительной молодости политической лингвистики как дисциплины, ее предмет – политический дискурс – не имеет единого принятого определения.

В данной главе мы представили несколько разных вариантов определения политического дискурса, наиболее развернутым и точным из которых, на наш взгляд, является мнение Е.Н. Шейгал о том, что политический дискурс находится в 2 плоскостях – реальной, где он рассматривается как «текст в конкретной ситуации политического общения», и виртуальной, включающей «вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере». Другими словами, политический дискурс – это коммуникативное сообщение в конкретной политической ситуации + экстралингвистический фон + вербальные и невербальные знаки. Основным инструментом политического дискурса является политический язык, который вслед за П.Б. Паршиным и Д. Грейбером будем понимать, как некий «социальный контекст», особое кодирование политической информации средствами национального языка.

Политический дискурс принадлежит к статусно-ориентированному или институциональному типу дискурса, который характерен для разных социальных институтов. Структура политического дискурса включает в себя

коммуникантов, информационный код и экстралингвистический фон.

Также в данной главе мы отметили, что границы политического дискурса достаточно условны в силу его интердискурсивности или дискурсивной гетерогенности. Мы склонны рассматривать эти понятия как в целом синонимичные, означающие «переключку» дискурсов (по О.С. Иссерс), построение одного дискурса по модели другого, или/и наличие в одном типе дискурса синтаксических конструкций, лексических единиц других дискурсов.

Еще один вывод, который мы можем сделать из данной главы – это то, что политическая лингвистика в силу своей междисциплинарности не имеет единой системы методов анализа. В зависимости от ракурса исследования при анализе политического дискурса можно ориентироваться на системный, лингвистический, символический, функциональный, организационный и экологический подход. В данной работе нас в большей степени интересует лингвистический подход, в рамках которого ученые выделяют критический, риторический, когнитивный и контент-анализ политического дискурса.

Также в теоретической части нашего исследования мы разобрали концепцию Е.А. Огневой, согласно которой дискурс представляет собой «комплексную матричную социомодель», постоянно эволюционирующую и, в следствии этого, трансформирующуюся. В рамках данной теории трансформации дискурсивной модели социума можно разделить на ситуативные и перманентные. Ситуативные трансформации могут быть исключительно локальными (краткосрочными или пролонгированными), в то время как перманентные трансформации могут быть как локальными, так и нелокальными. Для нас интерес представляет то, в какой степени эти трансформации обусловлены влиянием культурологической маркированности.

Так как наше исследование ориентировано на лингвокультурологическую составляющую политического дискурса, в первой главе мы также рассмотрели основные теоретические вопросы лингвокультурологии. Вслед за Н.Ф. Алефиренко определяем любой дискурс, и политический в том числе, как

лингвокультурологическую категорию, так в его основе всегда находится язык. Как известно язык и культура – это понятия не просто взаимосвязанные, но и взаимовлияющие. И если по отдельности язык и культура изучались уже довольно давно такими науками как лингвистика и культурология, то лингвокультурология, как научная дисциплина возникла в результате потребности анализировать взаимовлияние этих двух понятий, отразить это взаимовлияние как целостную структуру языкового и культурного содержания. Также в теоретической части мы упомянули о двух научных мнениях относительно дисциплинарного статуса лингвокультурологии – культурологического и лингвистического, – позволив себе примкнуть к сторонникам последнего, в рамках которого язык рассматривается не просто как зеркало культуры, но и как инструмент формирования этой культуры.

На данный момент лингвокультурология не имеет единого принятого определения. В первой главе нами представлен небольшой обзор некоторых из них – это определения, данные Н.Ф. Алиференко, В.В. Воробьевым, В.И. Карасиком, В.В. Красных, В.А. Масловой и Е.О. Опариной. За разной формулировкой четко прослеживается схожесть всех представленных определений в ключевом моменте – каждый из исследователей видит главное назначение лингвокультурологии в изучении взаимосвязей между языком и культурой материальной и духовной.

Также мы исследовали мнения различных авторов относительно объекта и предмета лингвокультурологии. Обобщая изученный материал, приходим к выводу, что большинство ученых под объектом лингвокультурологии понимают язык, но язык – не как статичную систему знаков, а как систему динамическую, актуализирующуюся в процессе своего функционирования в той или иной лингвокультуре. Предмет же, по их мнению, – культурная составляющая, которая находит свое выражение в языковых единицах в процессе их реализации. Как показало исследование, весьма неоднозначным представляется вопрос о том, что же является ключевой единицей анализа в

лингвокультурологическом исследовании. Ученые предлагают различные варианты для обозначения культурно маркированной лексики, такие как архикультурема и культурема (по В.В. Воробьеву и В.Г. Гаку), логоэпистема (по Н.Д. Бурвиковой), фоновая лексика (по Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову). Все перечисленные термины объединяет их бесспорная культурная маркированность. Механизмом, осуществляющим эту культурную маркированность, по мнению С.В. Ивановой является культурологическая компонента, которая локализуется в единицах языковой системы. Понятие культурологической компоненты нам представляется наиболее емким и точным, поэтому именно на культурологическую компоненту мы будем ориентироваться в практической части нашей работы.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РАКУРСЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В качестве материала для анализа в данной работе мы взяли речи двух выдающихся политиков – выступление Дэвида Кэмерона в Абердине перед Референдумом о независимости Шотландии¹ и речь Владимира Владимировича Путина в Кремле после проведения Референдума о статусе Крыма².

Дэвид Кэмерон – британский политик, с 2005 по 2016 – лидер Консервативной партии, с 2010 по 2016 – премьер-министр Великобритании. Он вошел в историю как человек, который вывел Британию из Европейского союза, а также как политик, при котором Шотландия едва не вышла из состава самой Великобритании. Некоторые эксперты считают, что именно речь, произнесенная Дэвидом Кэмероном накануне голосования, оказала решающее влияние на исход Референдума.

Владимир Владимирович Путин – советский и российский политический деятель, президент Российской Федерации (2000 – 2008, 2012 – настоящее время), по данным различных социологических опросов, является самым популярным политиком в России с 1999 года. 18 марта 2014 года В.В. Путин произнес знаменитую «Крымскую речь» о принятии Республики Крым в состав Российской Федерации. Обращение вызвало огромный резонанс как в российском обществе, так и за рубежом.

Незаурядность, значимость и знаковость этих двух речей повлияли на наш выбор их в качестве анализа в данной работе.

¹ Референдум по вопросу о независимости Шотландии прошёл 18 сентября 2014 года. Гражданам Великобритании и Европейского Союза, постоянно проживающим в Шотландии, было предложено ответить «да» или «нет» на вопрос: «Должна ли Шотландия стать независимой страной?». 55,3 % проголосовавших выступили против независимости.

² Референдум о статусе Крыма — всеобщее голосование по вопросу о будущем статусе и государственной принадлежности полуострова, проведённое 16 марта 2014 года местными властями на территории Автономной Республики Крым и города Севастополя. Согласно официальным результатам, в АРК 96,77 % проголосовавших поддержало присоединение Крыма к России при явке 83,1 %.

2.1. Особенности политического дискурса Дэвида Кэмерона

Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии – это островное государство на северо-западе от континентальной Европы, образовалось в 1707 году вследствие политического объединения Шотландии и Англии (включая Уэльс). В ракурсе нашего исследования Великобритания представляет собой пример нелокальной матрицы реализации перманентных трансформаций дискурсивной модели социума. Данная дискурсивная модель реализуется на большой территории, включающей четыре части, именуемые странами (country) – Англия, Уэльс, Шотландия, Северная Ирландия, – а также четырнадцать Британских Заморских Территорий и три Коронных Земли. На то, что данная модель является перманентной, указывают исторические, экономические и политические факторы. Модель привязана к англоязычному языковому ядру, периферийную зону образуют шотландский, валлийский и гэльский язык, а также множество местных наречий и диалектов английского языка.

Как уже отмечалось в ретроспективе, любая дискурсивная система – это явление динамическое, способное эволюционировать, меняться. Периферийные зоны могут трансформироваться, становясь приядерными или, напротив, уходить на крайнюю периферию, а в некоторых случаях вовсе откалываться. Тогда целесообразно говорить о том, что трансформация дискурсивной модели движется по нисходящей.

Если мы рассматриваем Великобританию как перманентную дискурсивную модель социума, то Шотландия в данной модели – это далеко не крайняя периферия. Шотландия занимает одну треть острова Великобритания, а также прилегающие острова (Гебридские, Оркнейские, Шетлендские). На ее территории проживает огромное количество людей, чья культура, язык и социальные связи в силу географического положения тесно переплетены с остальной частью Великобритании. Если откол некоторых элементов крайней

периферии представляется нам вариантом нормы естественного процесса трансформации дискурсивной модели социума, то выход элемента приядерной зоны выглядит противоестественным в силу определенных исторических, политических, экономических и социальных факторов. На языке политики это означало бы ослабление экономики Великобритании, возникновение новых внутривнутриполитических и социальных вопросов и, как следствие, ухудшение позиций страны на мировой арене.

В нашей работе мы будем рассматривать речь Дэвида Кэмерона перед Референдумом как краткосрочную локальную ситуативную трансформацию дискурсивной модели, возникшую в рамках нелокальной перманентной трансформации.

Если анализировать данную модель с точки зрения ее структуры (коммуниканты (адресаты и адресанты) – информационный код (импульсы) – экстралингвистический фон), то адресатом или ядром в данной модели является непосредственно говорящий – Дэвид Кэмерон. Адресат – целевая аудитория, электорат, информационный код – это те коммуникативные импульсы, которые применяются для достижения успеха, а экстралингвистические параметры – это обстановка, в которой реализуется дискурсивная модель. В данной цепочке нас интересует информационный код, так как именно он является ключевым фактором успешной (или неуспешной) реализации дискурсивной модели. При выстраивании коммуникативных импульсов крайне важен учет формы данных импульсов (лексика, грамматические формы, синтаксис). Но по причине того, что, как отмечалось нами выше в данной работе, грамматический строй любого языка обладает большей стабильностью, то более целесообразным нам представляется анализ лексического уровня.

Как уже говорилось, любой дискурс национально специфичен. Степень национальной и лингвокультурной окрашенности может варьироваться не только в зависимости от типа дискурса (бытовой, художественный, политический и т.п.), но и в рамках каждого из типов. К примеру, научный

дискурс по своей природе является наименее культурно окрашенным, однако, в определенных дискурсивных условиях (научная конференция) он может до определенной степени приобретать некую культурную специфику.

Если мы говорим о национально-культурной специфике политического дискурса, то степень ее выраженности будет зависеть от условий реализации конкретного дискурса.

Речь Дэвида Кэмерна была произнесена им в абердинском аэропорту. Таким образом, экстралингвистические параметры – обстановка, в которой реализуется данная дискурсивная модель, – свидетельствуют в пользу того, что данное выступление ориентировано не просто на широкую публику, оно имеет своей целью охват как можно большего количества коммуникантов, как тех, кто ежедневно смотрит новости и следит за предвыборной агитацией, так и тех, кто в меньшей степени интересуется политической обстановкой и оказался участником данного дискурса по стечению обстоятельств, но чье мнение в конечном итоге также может повлиять на успешность или неуспешность реализации данной модели дискурса.

Залогом успешного выстраивания коммуникативных импульсов является учет не только фоновых знаний коммуникантов, но и их национального самоощущения. Этот фактор влияет на выбор средств выражения – концептов, отражающих ментальность лингвокультурной личности, определенных национально специфичных символов.

Одним из таких культурно-значимых понятий в английском языке является концепт *nation*. В данном случае мы имеем дело с культурологической маркированностью на уровне психологического представления об объекте. Longman Dictionary of English Language and Culture предлагает следующее определение понятия *nation*: «1) A large group of people living in one area and usually having an independent government. – compare country. 2) A large group of people with the same race and language. – see race» [LDELС 2002: 903]. Macmillan English Dictionary определяет концепт *nation* через понятие *country*: «1) A

country that has its own land and government. 2) The people of a particular country. 2a. a group of people who share the same culture and language but do not have their own country» [MED 2002: 942]. Русскоязычный концепт *нация* С.И. Ожегов трактует как: «1) Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика. 2) В некоторых сочетаниях: страна, государство» [Ожегов 1984: 340].

Как мы видим, на уровне референта концепт *nation* эквивалентен концепту *нация*. Культурологическая компонента локализована в денотате самой лексемы. Иначе говоря, культурологически маркированным является образное значение лексемы *nation*. Для британцев нация - это нечто величественное, мощное и, вместе с тем, самобытное, отражающее уникальность носителей ценностей четырех разных культур (Шотландцев, Англичан, Валлийцев и Северных Ирландцев). Это явственно прослеживается в речи Дэвида Кэмерона:

The United Kingdom is not one nation. We are four nations in a single country.
[DC'sS]

Scotland, England, Wales and Northern Ireland different nations, with individual identities competing with each other even at times enraging each other while still being so much stronger together. [DC'sS]

Как мы видим, для британцев нация и страна – это не синонимы. Потому что для каждого жителя Великобритании – англичанина, валлийца, ирландца или шотландца – за данной лексемой скрывается свой ментальный образ, свой специфический набор приоритетов и ценностей. Так сложилось в силу определенных исторических обстоятельств. Применительно к нашей модели можно сказать что языковая личность адресанта и адресата находятся в одной лингвокультурной плоскости. Иными словами, фоновые знания коммуникантов полностью совпадают. Именно поэтому в своей речи в единственном числе

лексема *nation* используется исключительно в отношении Шотландии:

So the vote on Thursday is not about whether Scotland is a nation. Scotland is a proud, strong, successful nation. [DC'sS]

...the patriotic vision of a strong Scottish nation allied to the rest of the United Kingdom with its own stronger Scottish Parliament at its heart and with the benefits of working together in the UK on jobs, pensions, healthcare funding, the currency, interest rates. [DC'sS]

Тем самым политиком как бы подчеркивается ее важная историческая и культурная роль, право на самобытность. В отношении же страны в целом лексема *nation* используется во множественном числе в сочетании с лексемой *family*:

This is a decision that could break up our family of nations, and rip Scotland from the rest of the UK. [DC'sS]

We are a family of nations. [DC'sS]

The optimistic vision is of our family of nations staying together there for each other in the hard times coming through to better times. [DC'sS]

Don't turn your backs on what is the best family of nations in the world and the best hope for your family in this world. [DC'sS]

Family of nations – это метафора, в которой объединились два гиперконцепта, обладающих высоким психологическим воздействием. Известно, что каждый язык имеет свой определенный набор ключевых концептов, которые отражают культурные особенности и менталитет того или иного лингвокультурного общества. Концепт *family* (семья) является центральным в большинстве лингвокультур и, как правило, имеет позитивную коннотацию. Таким образом, метафора *family of nations* несет в себе мощный посыл. Соответственно, использование данного сочетания, усиленного лексическими единицами *our* и *the best*, при формировании информационного кода является тактически верным приемом.

Кэмерон также использует концепт *family* как самостоятельную метафору:

And speaking of family – that is quite simply how I feel about this. We are a family. [DC'sS]

Why should the next generation of that family be forced to choose whether to identify only with Edinburgh or only with London... [DC'sS]

A family is not a compromise, or a second best, it is a magical identity, that makes us more together than we can ever be apart so please – do not break this family apart. [DC'sS]

В Longman Dictionary of English Language and Culture предлагается пять вариантов толкования данного концепта: «1) one's parents, grandfather and grandmother, brothers and sisters, uncles, aunts etc; 2) a group of one or usually two adults and their children living in the same home; 3) all those people descended from a common person; 4) children; 5) a group of related animals, plants, languages etc» [LDELС 2002: 465]. В приведенных примерах с точки зрения сочетаемости все логично и сама лексема вроде бы может трактоваться согласно одной из ее словарных дефиниций. Однако, помимо словарного значения концепт включает в себя еще и некий личный и народный опыт человека (по Лихачеву). В данном случае под личным опытом понимается знания коммуникантов о том, кем является для них говорящий: Дэвид Кэмммерон – премьер-министр Великобритании, следовательно, в предложении *We are family*, произнесенной премьер-министром по отношению к гражданам страны, концепт *family* не может трактоваться в прямом значении. С точки зрения народного опыта, и об этом нами уже говорилось выше, концепт *family* имеет мощный позитивный подтекст. Достаточно вспомнить английские поговорки «*The family is one of nature's masterpieces*» – «Семья – один из шедевров природы» [Митина 2002: 3, «*The love of a family is life's greatest blessing*» – «Любовь семьи — величайшее счастье в жизни» [Митина 2002: 76]. Таким образом, если в первом случае, *family of nations* в контексте всей речи является синонимом лексемы *country* (страна), то *family* во втором случае – люди, живущие в этой стране (people of that country). Но люди в особом смысле, обладающие некой связью, общей

духовностью (*a magical identity, that makes us more together than we can ever be apart*).

При этом в выбранной нами дискурсивной модели можно также найти вариант использования концепта *family* в его прямом значении:

It's about dividing people, closing doors, making foreigners of our friends and family. [DC'sS]

Will my family and I truly be better off by going it alone? [DC'sS]

Анализ всех вариантов использования лексемы *family* в данном дискурсе наглядно демонстрирует то как по-разному может быть расшифрован концепт в зависимости от сиюминутного контекста и культурного опыта концептоносителя.

Еще одна лексема, которой пользуется политик при упоминании Великобритании – это концепт *home* в значении «the place where one was born or habitually lives and to which one usually has emotional ties» [LEDLC 2002: 636]. За этим определением скрывается довольно мощный лингвокультурологический фон. Возможно, в цепочке вышеперечисленных концептов – *nation, family, home* – последний имеет самую высокую степень эмоционального воздействия. «Для скупых на эмоции, чопорных британцев дом является центром вселенной, им он дорожит зачастую больше, чем другими ценностями» [Павловская 2005: 88]. Именно с этим концептом связано множество англоязычных поговорок: «*East or West, home is best; Home is home though it be never so homely; Dry bread at home is better than roast meat abroad; An Englishman's home is his castle*». Некоторые устоявшиеся выражения с лексемой *home* даже имеют отдельные пояснительные статьи в словарях. Например, выражение *home sweet home* в Longman Dictionary of English Language and Culture объясняется как «a phrase used when saying how pleasant it is to be in your own home», а фраза «there is no place like home» - как «a phrase from an old popular song, meaning that your own home is the nicest place to be» [LEDLC 2002: 636].

В исследуемой дискурсивной модели концепт *home* встречается несколько

раз:

It would be the end of a country that launched the Enlightenment, that abolished slavery, that drove the industrial revolution, that defeated fascism. The end of a country that people around the world respect and admire the end of a country that all of us call home. And we built this home together. We did all this together. [DC'sS]

И наконец, в последнем случае данный концепт используется уже в составе развернутого сравнения:

For the people of Scotland to walk away now would be like painstakingly building a home – and then walking out the door and throwing away the keys. [DC'sS]

В данном случае ядро данной дискурсивной модели, которым в нашем случае является непосредственно говорящий, использует определенный алгоритм: сначала он указывает на то, что именно он вкладывает в понятие *home*. Это не просто место на карте. *Home* как ментальный образ в его представлении, а вслед за ним и в представлении слушающих (адресатов), ассоциируется с чем-то великим – со страной, в которой зародилось Просвещение и индустриальная революция, страной, которая победила рабство и фашизм, страной, которую уважают во всем мире. Следующий шаг – отметить, что все вышеперечисленное – это результат совместных усилий всех коммуникантов (*And we built this home together. We did all this together*). И наконец, показать, как это все может разрушиться.

На диаграмме 1 мы видим, какие концепты преобладали в речи Д. Кэмеррона в отношении Великобритании:

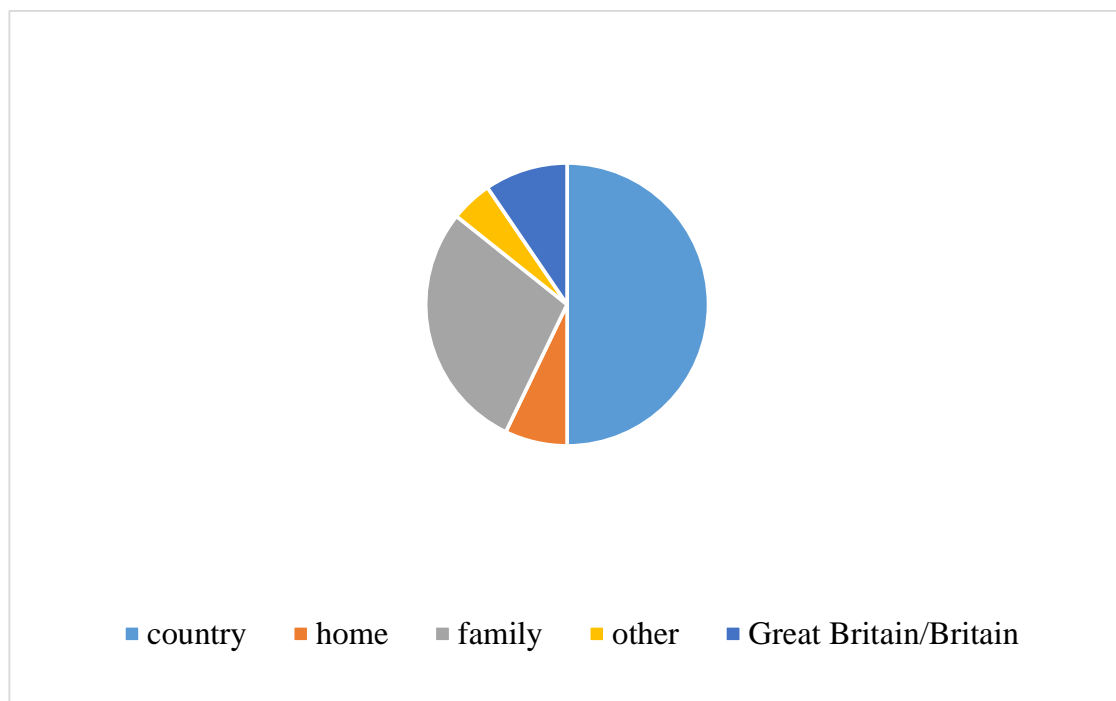

Диаграмма 1. Синонимический ряд топонима Great Britain

В большинстве своем это все-таки либо непосредственно топоним Great Britain/Britain, либо довольно нейтральный концепт *country* (страна). Однако, было бы неверным утверждать о полном отсутствии лингвокультурной значимости данной лексемы. Культурологическая компонента находится на уровне денотата концепта *country*, т.е. культурно маркированным в данном случае снова является образное значение слова. В речи Д. Кэмерона концепт *country* в основном встречается с притяжательными местоимениями или указательными местоимениями *this* и *that*:

On Thursday, Scotland votes, and the future of our country is at stake. [DC'sS]

So I want to speak directly to the people of this country today about what is at stake. [DC'sS]

Because of the thinkers, writers, artists, leaders, soldiers, inventors who have made this country what it is. [DC'sS]

This is our countr».[DC'sS]

You don't get the change you want by ripping your country apart. [DC'sS]

Don't lose faith in what this country is – and what we can be. [DC'sS]

And it's why millions of us could not bear to see that country ending – for good, for ever – on Friday. [DC'sS]

Это не просто какая-то страна, это – одна конкретная страна, судьба которой зависит от того, по какому сценарию реализуется данная дискурсивная модель. Это как раз то, о чем говорил Д.С. Лихачев – в концепте *country* мы видим столкновение словарного значения слова с личным и народным опытом. В данном случае словарное значение определяется как «an area of land that is a nation, especially considered together with its population, political organization, industry etc» [LDELС 2002: 295]. Народный же и личный опыт проявляется в таких формулировках как:

the country we love;

a country that launched the Enlightenment, that abolished slavery, that drove the industrial revolution, that defeated fascism;

country that people around the world respect and admire;

the greatest country on earth. [DC'sS]

На этом уровне идет полное совпадение фоновой информации коммуникантов.

Помимо приведенного выше синонимичного ряда топонима Great Britain, в данной речи также встречаются и развернутые метафоры. Частотность их употребления отражена в желтом секторе Диаграммы 1. Для политика Великобритании – это лучший пример демократии, а также невероятно успешная история:

The greatest example of democracy the world has ever known, of openness, of people of different nationalities and faiths coming together as one, would be no more. [DC'sS]

It's Alexander Fleming and David Hume; J.K. Rowling and Andy Murray and all the millions of people who have played their part in this extraordinary success story. [DC'sS]

Безусловно, политик должен понимать, что для получения ответных импульсов от адресата, ему необходимо суметь затронуть нужные струны в массовом сознании. И он это делает, умело воздействуя на эмоции и моральные установки коммуникантов. Как мы видим, в своей речи Д. Кэммрон использует антропонимы – *Alexander Fleming, David Hume, J.K. Rowling, Andy Murray*. Для большинства людей из других стран – это всего лишь фамилии, известные в большей или меньшей степени. Но для британцев – это не просто имена, это национальная гордость, общая история. Таким образом, можно утверждать, что антропонимы в рамках определенного контекста могут быть культурно маркированными и обладать неким информационным кодом, который может быть воспринят в рамках одного лингвокультурного общества.

Помимо вышеупомянутых антропонимов, на наш взгляд, культурно маркированным является концепт *British values* – британские ценности. В ряду – личные, общенациональные и общечеловеческие ценности – как правило вторые (общенациональные) обладают культурологической компонентой. Именно к ним и апеллирует политик в своей речи:

British values. Fairness. Freedom. Justice. The values that say wherever you are, whoever you are, your life has dignity and worth. The values that say we don't walk on by when people are sick, that we don't ask for your credit card in the hospital, that we don't turn our backs when you get old and frail. [DC'sS]

Именно эти ценности, наряду с общей историей, наукой, культурой, литературой и спортом и роднят всех британцев, или, с точки зрения лингвокультурологии, составляют единый информационно-психологический код данного лингвокультурного сообщества.

Нам представляется целесообразным проанализировать терминологический слой данной дискурсивной модели. С.В. Гринев толкует термин как «номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание) специального языка, принимаемую для точного именованя специальных понятий» [Гринев 1993: 33]. Однако политическую терминологию

(которая нас интересует в большей мере в рамках данного исследования), на наш взгляд, нельзя отнести к культурно немаркированной лексике, так как практически любые политические явления в процессе номинации преломляются через призму национально-культурного восприятия, приобретают коннотативный фон.

Данный дискурс не перенасыщен политической терминологией. В основном политик пользуется общеизвестными терминами, которые могут быть поняты коммуникантами без каких-либо дополнительных объяснений: *industrial revolution, social justice, economic might, to run a campaign, pension funds, mortgage, interest rates, welfare system, ballot paper, status quo, devolution, recession, polling booth* [DC'sS].

При этом лишь немногие из данных терминов можно назвать культурно НЕ маркированными. *Status quo* является термином международного права и обозначает какое-либо существующее или существовавшее на определённый момент фактическое или правовое положение, о восстановлении или сохранении которого идёт речь. Longman Dictionary of English Language and Culture предлагает следующую дефиницию: «the state of things as they are; existing state of affairs» [LDELС 2002: 1323]. Термин *ballot paper* также является культурно нейтральным. Ещё один термин – *polling booth* – «a partly enclosed place inside a polling station where someone marks their voting paper secretly» [LDELС 2002: 1036] – в английском варианте не обладает очевидной культурной маркированностью (на общенациональном уровне). Интересно, что то же самое нельзя сказать о его русскоязычном эквиваленте. В русской лингвокультуре термин *избирательный ящик* зачастую заменяется словосочетанием *избирательная урна*. Хотя по основному своему значению понятия *ящик* и *урна* синонимичны – и то и другое является емкостью для хранения чего-либо, – лексема *урна* обладает несколько отрицательной коннотацией, так как в одном из своих значений трактуется как «вместилище для мусора, окурков» [Ожегов 1984: 727]. В данном случае термин *избирательная урна* приобретает

культурологическую маркированность. Культурологическая компонента локализуется в прагматическом слое лексемы и выражается в отношении говорящего к обозначаемому. Выборы в нашей стране всегда вызывали много споров и недоверия. Большая часть населения России не верят в честность выборов и скептически относятся к процедуре голосования, в отличие от стран Европы, где уровень доверия значительно выше.

При анализе остальных из приведенных выше политических терминов можно выявить наличие культурологической компоненты на понятийном уровне.

К примеру, термин *devolution* в русском и английском языках имеет одно значение – передача территориально локализованных полномочий от центра к регионам [Организация государственной 2014: 299]. В Longman Dictionary of English Language and Culture помимо основного определения – «the giving of governmental or personal power to a person or group at a lower or more local level», - дается еще следующее пояснение: «Scotland and Wales voted for devolution from the British government in 1997» [LDELC 2002: 352]. Таким образом, деволюция для британцев – это конкретный процесс, который имел место в конце 1990-х годов, и в следствии которого отдельные регионы Великобритании получили определенные полномочия на внутреннее самоуправление.

Точно также термин *industrial revolution* для британцев не просто некий «период времени», как следует из определения, а вполне конкретный период, имевший место в 1750-1850 годах, и характеризующийся определенными событиями, которые происходили в это время. В рамках данного дискурса термины *industrial revolution* (индустриальная революция), *social justice* (социальная справедливость), *welfare system* (система социального обеспечения), *economic might* (экономическая мощь), *pension funds* (пенсионные фонды) – это не просто абстрактные термины, а конкретная последовательность событий, или определённый спектр функций, благ и возможностей, которые доступны данному лингвокультурному сообществу. То, что для человека из

другой страны является просто перечислением фактов, для жителя Великобритании – весомый аргумент в пользу принятия того или иного решения.

Полное совпадение фоновой информации коммуникантов позволяет Д. Кэмерону использовать такие лексемы как *The British Lions*, *Lib Dems*, *NHS*, *White Paper* без разъяснения их значения. Для человека, далекого от политической и общественной жизни Великобритании без углубления в дополнительные источники невозможно понять, что же означают эти понятия. Единственное, что мы можем понять из контекста – это то что под словосочетанием *The British Lions* подразумеваются не его дословный перевод, а *White Paper* – это явно не просто лист белой бумаги. За более точными данными нам надо обращаться к английским толковым словарям. Согласно им *British Lions* – «the Rugby Union team chosen from players from England, Scotland, Wales, and Ireland to play in international matches» [LDELC 2002: 153], *White Paper* – «an official report from the British government, usually explaining the government's ideas and plans concerning a particular subject before it suggests a new law in parliament» [LDELC 2002: 1522]. Иначе говоря, здесь мы сталкиваемся с культурологической маркированностью референта.

В ретроспективе нашего исследования отмечалось, что примерами такой культурологической маркированности являются лакуны, обозначающие специфические общественно-национальные реалии, присущие тому или иному лингвокультурному сообществу. К таким лакунам можно отнести термин *the NHS*, который не имеет равнозначного аналога в русском варианте. Более того, даже его словарная дефиниция не даст нам, как представителям иной лингвокультуры, полноценного представления о том, что это за явление. Рассмотрим данный пример более подробно. Longman Dictionary of English Language and Culture дает нам расшифровку и следующее определение: «the National Health Service; the UK system providing free medical treatment» [LDELC 2002: 917]. И хотя в России также существует бесплатное медицинское

обслуживание, такое понятие как Национальная служба здравоохранения в нашем языке отсутствует. Это понятие является специфичным для Великобритании. Национальная служба здравоохранения состоит из четырех государственных медицинских систем: 1) национальной службы здравоохранения Англии; 2) службы здравоохранения и социального обеспечения Северной Ирландии; 3) национальной службы здравоохранения Шотландии; 4) национальной службы здравоохранения Уэльса. И хотя каждая из четырех систем работает независимо друг от друга, финансирование идет за счет общих налоговых поступлений. Следовательно, выход Шотландии из состава Великобритании автоматически отрежет ее от общего источника финансирования системы здравоохранения. Именно такой коммуникативный импульс закладывает Кэмерон в своем выступлении:

It would mean that we no longer pool resources across the whole of the UK to pay for institutions like the NHS or our welfare system. [DC'sS]

Данная служба здравоохранения обеспечивает жителям Великобритании большой спектр бесплатных услуг в области медицины. Таким образом, политик апеллирует к двум важнейшим аспектам жизни любого человека – финансовому аспекту и аспекту собственного здоровья.

В предыдущей главе нами отмечалось, что культурологически маркированным может быть в том числе и синтаксический компонент лексем, что проявляется в сочетаемостных возможностях слов. Сочетаемостные возможности в свою очередь напрямую зависят от различий в сигнификативном слое языка, т.е. от единиц неполного соответствия (по С.В. Ивановой). Поскольку, как уже говорилось, случаи полного соответствия лексических единиц разных языков достаточно редки, можно утверждать, что именно в сочетаемостных возможностях культурологическая компонента проявляется в большой степени.

Данная тема весьма обширна и может служить материалам отдельного исследования. В рамках нашей работы мы лишь приведем примеры

культурологической маркированности синтаксического уровня анализируемой дискурсивной модели: *turn a blind eye, cold heart, for good, scare-monger, business as usual, set in stone, the best of both worlds, head, heart and soul, to see eye-to-eye, at the end of a day, to run a campaign* и др [DC'sS]. Каждая из данных лексем вне контекста имеет несколько дефиниций.

К примеру, глаголу *to run* в Longman Dictionary of English Language and Culture соответствует 23 определения. В данном сочетании лексема используется в значении «to control (an organization or system); be in charge of and cause to work» [LDELС 2002: 1181], что соответствует русской лексеме «управлять». В основном же своем значении «to move fast on foot» глагол *to run* эквивалентен русскому «бежать». В свою очередь лексема *бежать* в словаре С.И. Ожегова имеет всего 4 варианта толкования и не может быть использована при переводе английского сочетания *to run a campaign*. Данный пример наглядно иллюстрирует как языковая единица в процессе взаимодействия с другими текстовыми единицами создает продукт, культурологический смысл которого нельзя свести к наполняющим его единицам. Создается некое культурологическое пространство текста, которое, в свою очередь, дает возможность актуализации культураносных смыслов языковых единиц.

Возвращаясь к нашему исследованию, можно сделать вывод о том, что лингвокультурологический аспект играет ключевую роль в реализации политического дискурса. Политик как ядро дискурсивной модели, выстраивает информационный код, учитывая специфику языковой личности адресата, их фоновые знания. При формировании коммуникативных импульсов политик использует культурологически маркированные единицы, имеющие глубокое значение в данной лингвокультуре, оперирует словами-символами, несущими позитивную коннотативную окраску и обладающими определенной культурологической маркированностью на ментальном уровне. Результатом такого метадискурса является формирование ответных импульсов. Известно,

что в по результатам Референдума, который был проведен 18 сентября 2014 года, большая часть проголосовавших высказалась против выхода Шотландии из состава Великобритании. Следовательно, данная дискурсивная модель имела положительную реализацию.

2.2. Особенности политического дискурса Владимира Владимировича Путина

Российская Федерация (равноправное название – Россия) получила это именование 25 декабря 1991 года (ранее – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР) в составе СССР) и стала правопреемницей СССР, прекратившего тогда же своё существование. Российская федерация делиться на субъекты. На данный момент в ее составе 85 субъектов (включая Крым и город федерального значения Севастополь).

В преломлении к нашему исследованию Россия также является примером нелокальной матрицы реализации перманентных трансформаций дискурсивной модели социума. Данное государство представляет собой многонациональную дискурсивную модель, привязанную к русскоязычному языковому ядру. Периферию составляют около 200 национальностей и этнических групп, говорящих на различных языках и диалектах.

Выше мы говорили о том, что процесс синергии различных культурологических дискурсивных моделей может иметь различные векторы направленности (по Е.А. Огневой). Рассматриваемый нами процесс синергии трансформационной модели Крыма и России в единую модель является примером восходящего вектора развития социолингвокультурологической модели.

В рамках данной нелокальной дискурсивной трансформации выступление Владимира Путина рассматривается как локальная ситуативная трансформация дискурсивной модели. Вопрос о том, краткосрочной или пролонгированной

является данная модель, на данный момент предлагаем оставить открытым.

Весьма любопытным нам представляется анализ структуры данной модели. Ядром очевидно является говорящий – президент РФ. Более интересным нам видится выявление второго компонента данной структура – адресата. На первый взгляд, ответ лежит на поверхности. «Крымская речь Владимира Путина» - обращение президента России В. В. Путина 18 марта 2014 года к обеим палатам Федерального собрания Российской Федерации в связи с предложением Государственного Совета Республики Крым о принятии республики в состав Российской Федерации. Оглашено в Георгиевском зале Кремля. Следовательно, адресаты – это депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации, руководители регионов, а также представители гражданского общества. Также в своей речи президент обращается непосредственно к украинскому народу:

Иначе, дорогие друзья (обращаюсь и к Украине, и к России), мы с вами – и русские, и украинцы – можем вообще потерять Крым, причём в недалёкой исторической перспективе. [ОПРФ]

Соответственно, в качестве коммуникантов следует рассматривать и народ Украины. Но, на наш взгляд, помимо открыто упомянутых, в данной дискурсивной модели присутствуют еще и скрытые адресаты, на которых, в частности, и ориентировано данное выступление. Это, как уже говорилось, украинский народ и американский народ, к которым автор обращается в конце своего выступления, а также остальное американское и западноевропейское сообщество, к которому В.В. Путин не обращается непосредственно, но которое в той или иной форме упоминаются на протяжении всей речи:

Кроме того, крымские власти опирались и на известный косовский прецедент, прецедент, который наши западные партнёры создали сами... [ОПРФ]

Наши западные партнёры во главе с Соединёнными Штатами Америки предпочитают в своей практической политике руководствоваться не

международным правом, а правом сильного. [ОПРФ]

И в случае с Украиной наши западные партнёры перешли черту...
[ОПРФ]

При этом мы сами никогда не будем стремиться к конфронтации с нашими партнёрами ни на Востоке, ни на Западе...[ОПРФ]

Однако что же мы слышим сегодня от наших коллег из Западной Европы, из Северной Америки? [ОПРФ]

В чём же, по мнению наших коллег, заключается его исключительность?
[ОПРФ]

И это в то время, когда Россия искренне стремилась к диалогу с нашими коллегами на Западе...[ОПРФ]

Интересно отметить, что в ракурсе политических и экономических событий последних лет (противостояния России и Запада, вводимые санкции и проч.) концепты *партнер* и *коллеги* в определенном политическом контексте (применительно к западным странам) приобрели негативную коннотативную окраску в русской лингвокультуре. Таким образом, можно говорить о культурологической маркированности прагматического слоя данных концептов.

На то, что данное выступление нацелено на западную аудиторию, указывают также экстралингвистические факторы, т.е. те явления внеязыковой действительности, в которых протекает речевое общение и под влиянием которых происходит отбор и организация языковых средств, т.е. речь приобретает свои стилевые характеристики.

Отметим, что на момент данного выступления Референдум о статусе Крыма – уже свершившийся факт. Жители Крыма уже проголосовали подавляющим большинством за вхождение в состав РФ. По данным социологических опросов (которые, в частности, упоминает В.В. Путин во время своего выступления), практически все граждане России данное решение поддержали. Соответственно, в данном случае убеждать никого не требуется. Между тем, предназначение политического дискурса заключается в том, чтобы

внушить адресатам необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Известно, что большинство стран-членов ООН, а также сама Украина не признало данный референдум легитимным. Именно их оценку и требовалось поменять, следовательно, именно им и адресовались коммуникативные импульсы.

К такому же выводу можно прийти, проанализировав как выстраивается информационный код данного политического дискурса. При формировании коммуникативных импульсов всегда важно учитывать параметры языковой личности адресата. В этом смысле, для реализации дискурсивной модели, функционирующей в рамках единого лингвокультурного сообщества, не могут быть использованы те же самые стратегии, что для дискурсивной модели, нацеленной на представителей разных лингвокультур.

Таким образом, если мы говорим о многоязычной коммуникации, – а данное выступление можно причислить к акту многоязычной коммуникации, т.к. в силу своей исторической значимости оно было переведено на разные языки, – то важным фактором здесь является совпадение параметров коммуникативных импульсов.

Безусловно, в выступлении встречаются концепты-топонимы, которые являются культурно и исторически значимыми для русского человека, но мало о чем могут сказать представителям других лингвокультур. Так президент упоминает древний Херсонес, Балаклаву и Керчь, Малахов курган, Сапун-гору. При этом политик сразу раскрывает значение топонима. Например, он не просто упоминает древний Херсонес, но объясняет почему это место, по его словам, «пронизано нашей общей историей и гордостью»:

Здесь древний Херсонес, где принял крещение святой князь Владимир. Его духовный подвиг – обращение к православию – предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии. [ОПРФ]

Надо сказать, что в выступлении не описывается так же подробно, чем

знамениты Малахов курган, Балаклава, Сапун-гора и Керчь. В данном случае приоритетнее не столько раскрыть подробное значение лакун, – с этой задачей любой слушающий может справиться самостоятельно с помощью энциклопедии или интернет-поисковика – сколько донести культурную значимость данных концептов для русской ментальности; дать понять, что Сапун-гора – не просто возвышенность к юго-западу от Севастополя, где велись бои во время Великой Отечественной войны, а Малахов курган – не только тактически важная высота Севастополя, где русские войска оборонялись против англо-французских войск во время Крымской войны и против немецких захватчиков в 1942 году. Отметим, что данные топонимы помимо прочего обладают культурной маркированностью на уровне образного значения слова. Наличие культурологической компоненты в денотате лексемы делает эти концепты особенными для русского человека, переводит их в разряд ментально-значимых. Если в сознании русской языковой личности упоминание данных топонимов как правило автоматически вызывает набор определенных чувств (гордость, восхищение, благоговение и проч.), то у иноязычной языковой личности такие коннотации отсутствуют. Единственное, что может сделать адресант, используя данные концепты при формировании коммуникативных импульсов, – это попытаться объяснить, передать словами какой эмоциональный фон в них заложен. Что, собственно, и делает Владимир Путин в своей речи, говоря о том, что *«каждое из этих мест свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести»* [ОПРФ].

В эту же категорию концептов, культурологически маркированных на уровне денотата лексемы, можно отнести топонимы Крым и Севастополь. В рассматриваемом дискурсе каждый из этих концептов подробно разбирается, максимально раскрывается их национальная значимость.

Так Крым – это: *«уникальный сплав культур и традиций разных народов», «исконно русская земля», «Крым всегда был и остаётся неотъемлемой частью России», «он будет, как и было веками, родным домом для*

представителей всех живущих там народов», «Крым – это наше общее достояние и важнейший фактор стабильности в регионе» [ОПРФ].

Севастополь – это: *«русский город», «город-легенда», «город великой судьбы», «город-крепость и Родина русского черноморского флота», «город русской воинской славы» [ОПРФ].*

Именно такими являются Крым и Севастополь в русской культурно-языковой картине мира. Однако нужно понимать, что информационные фоны разных лингвокультур никогда не совпадут полностью. В каждой языковой картине мира существует свой индивидуальный набор ключевых концептов, культурно, эмоционально и исторически значимых для данного конкретного общества. К таким концептам и относятся лексемы *Крым* и *Севастополь*. В этот же разряд слов-символов можно отнести такие слова как *сила духа*, *Родина*. В этих суперконцептах заложен особый эмоциональный культурный код, отражаются особенности русского менталитета.

Концепты *дух* и *душа*, являясь синонимичными в русском языке, противопоставляются всему материальному, земному, являются средоточием некой бесплотной сущности, связанной с Богом. Так *сила духа* перекликается с понятием *вера* – еще одним значимым концептом русской лингвокультуры – и является для русского человека тем особым внутренним стержнем, который на протяжении всей нашей непростой истории помогал русскому человеку выстоять.

Совершенно особой коннотацией обладает и суперконцепт *Родина*. Так отмечалось, что американцам, приехавшим в Россию, было трудно понять, почему русские разграничивают понятие *государство* и *Родина*. Они с удивлением отмечали, как русские, «не питавшие к государству теплых чувств, любят Родину настолько, что готовы отдать за нее жизнь» [Андреева 2007: 13]. Этот парадокс во многом объясняется тем, какое образное значение заложено в концепте *Родина* в русской лингвокультуре. С.И. Ожегов определяет лексику «*Родина*» через другой суперконцепт: «1. Отечество. Родная страна. 2. Место

рождения, происхождения кого-чего-нибудь, возникновения чего-нибудь» [Ожегов 1984: 592]. Англоязычный вариант *motherland* – «the country of one's birth; one's native land» [LDELС 2002: 886] – не является полным эквивалентом. В русском понимании Родина – это не просто родная страна и, даже более того, это не всегда целая страна. Понятие Родина (отчизна, отечество) есть у каждого народа, понятие же *малой Родины* существует лишь в русском языке. Двойственность данного понятия отмечалась еще В.И. Далем в «Толковом словаре русского языка»: «Родина – родимая земля, чье-либо место рождения; в обширном значении – земля, государство, где кто-либо родился; в тесном – город, деревня» [Даль 2000: 566]. Эта двойственность находит отражение и в «Крымской речи»:

Крым – это и уникальный сплав культур и традиций разных народов. И этим он так похож на большую Россию, где в течение веков не исчез, не растворился ни один этнос. [ОПРФ]

Мы с уважением относимся к представителям всех национальностей, проживающих в Крыму. Это их общий дом, их малая Родина, и будет правильно, если в Крыму – я знаю, что крымчане это поддерживают, – будет три равноправных государственных языка: русский, украинский и крымско-татарский. [ОПРФ]

Однако, при анализе данного выступления, прослеживается тенденция к использованию менее эмоционально окрашенных концептов в отношении Российской Федерации. Их соотношение отражено на диаграмме 2:

Диаграмма 2. Синонимический ряд топонима Российская Федерация

Учитывая тот факт, что практически любой концепт, актуализируясь в контексте того или иного дискурса, может приобретать определенный культурологический фон, мы конечно не можем говорить о полной коннотативной нейтральности данных лексем. Однако говорящий все-таки воздерживается от использования развернутых метафор и концептов, обладающих откровенной оценочностью в отношении России.

В рассматриваемой дискурсивной модели встречается большое количество международных концептов-терминов, таких как *Силиконовая долина*, *косовский прецедент*, *цветные революции*, *арабская весна*, *арабская зима*, *холодная война*, *КОКОМовские списки*, *политика сдерживания*, *пятая колонна* [ОПРФ]. В.В. Путин также упоминает топонимы – название стран, которые уже стали концептами, символами определенных событий мирового масштаба:

Так было в Югославии, мы же хорошо об этом помним, в 1999 году. Трудно было в это поверить, глазам своим не верил, но в конце XX века по одной из европейских столиц – по Белграду в течение нескольких недель

наносились ракетно-бомбовые удары, а затем последовала настоящая интервенция. [ОПРФ]

А потом были и Афганистан, и Ирак, и откровенные нарушения резолюции СБ ООН по Ливии, когда вместо обеспечения так называемой бесполётной зоны тоже начались бомбёжки. [ОПРФ]

Но не смотря на кажущуюся международную универсальность данных концептов, их прагматический слой без сомнения является культурно маркированным. Например, содержание понятия *косовский прецедент* не зависит от того, в какой лингвокультуре это понятие используется. Под ним подразумевается односторонне провозглашение независимости Косово 17 февраля 2008 года и предшествующие этому провозглашению события. Различие заключается в восприятии данного концепта. Далеко не все страны поддержали независимость Косово. Более того, не все страны, признавшие независимость Косово, соглашались с тем, что данный случай можно считать прецедентным. Отсюда и различия в коннотативной окраске данного концепта в русской и американской лингвокультурах.

Особого внимания заслуживают концепты *самостийность* и *майдан*. Согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова майдан – «базар, базарная площадь (в южных областях России, на Украине)» [Ожегов 1984: 288]. В толковом словаре Д.Н. Ушакова майдан имеет пять значений: «1. На юго-востоке и юге СССР – рынок, рыночная площадь. 2. Игорный притон на базаре. 3. Место тайной игры в карты или тайной продажи водки в тюрьме (воровское арго). 4. Яма для выгонки дегтя. || Возвышенное место, где устраиваются эти ямы. 5. Особый вид курганов (археол.)» [ТСУ]. Но в контексте данного дискурса в предложениях *«Повторю, хорошо понимаю тех, кто с мирными лозунгами вышел на майдан, выступая против коррупции, неэффективного госуправления, бедности»* и *«Даже попасть на приём к некоторым министрам нынешнего правительства можно только с разрешения боевиков майдана»* [ОПРФ] лексема майдан использована в другом значении. Можно сказать, что

это транслитерация украинской лексемы майдан, которая имеет следующее толкование в украинском словаре: «Велике незабудоване місце в селі або місті; площа» [СУМ-11]. На русский язык она переводится как площадь (любая). Однако, после серии революционных событий, произошедших в Украине в последние десятилетия, данный концепт приобрёл дополнительное значение, другими словами, стал культурно маркированным. Теперь не только у граждан Украины, но и во всем мире понятие *майдан* ассоциируется исключительно с Майданом Незалежности в Киеве и событиями, которые на нем происходили. В англоязычном варианте Википедии можно в частности найти статью, посвященную лакуне *Euromaidan*. Таким образом данный термин уже можно причислить в разряд международных. Но, как и приведённых выше примерах, коннотативная окраска данного концепта в разных лингвокультурах будет варьироваться. Если у русской языковой личности *майдан* вызывает преимущественно негативные смысловые ассоциации и образы, то для украинской языковой личности этот концепт имеет совершенно иной коннотативный ряд, и, как правило, коррелирует с такими концептами как *Европейский Союз* и *самостийность*, также имеющими положительную коннотацию в данном лингвокультурном обществе. Интересно, что в словаре С.И. Ожегова значение лексемы *самостийность* трактуется через однокоренное прилагательное: «самостийный – независимый, самостоятельный; возникающий независимо от чьей-нибудь воли. || сущ. самостийность» [Ожегов 1984: 604]. У Д.Н. Ушакова же *самостийность* (укр., букв. самостоятельность, независимость) (полит.) – «буржуазное контрреволюционное движение на Украине, выступавшее под флагом национального самоопределения» [ТСУ]. На сегодняшнем этапе данный концепт вобрал в себя новые дополнительные смыслы, отражающие современные реалии. То, как воспринимается концепт *самостийность* русским лингвокультурным обществом, также находит отражение в данном дискурсе:

Понимаю, почему люди на Украине хотели перемен. За годы

«самостийности», независимости, власть, что называется, их «достала», опостылела просто. Менялись президенты, премьеры, депутаты Рады, но не менялось их отношение к своей стране и к своему народу. Они «доили» Украину, дрались между собой за полномочия, активы и финансовые потоки. [ОПРФ]

Стоит принять во внимание, что приведенный отрывок демонстрирует отношение к данному явлению именно русскоязычной языковой личности, для большей части украинского лингвокультурного общества характерно разделение понятий *самостийность* и *власть*. При преимущественно негативном отношении к своим политикам, подавляющая часть граждан Украины выступают за независимость, самостийность своей страны. Следовательно, концепт *самостийность*, как определение политического явление, имеющего место в украинской лингвокультуре, является носителем культурологической компоненты на уровне прагматического слоя.

Если обратить внимание на терминологический слой данного дискурса, то можно прийти к выводу, что он довольно обширен. Президент использует такие понятия как *референдум, демократические процедуры, международно-правовые нормы, конституционные нормы, экономическое пространство, национальные меньшинства, делимитация, ассимиляция, законопроект, легитимный, исполнительная власть, узурпировать, радикалы, интервенция, биполярная система, резолюция, суверенитет, плебисцит, ратифицировать* и др. [ОПРФ]. В силу стилистической нейтральности и однозначности в рамках своего семантического поля данные концепты являются универсальными в разных лингвокультурах. А их высокая концентрация в данной дискурсивной модели указывает на общий вектор направленности коммуникативных импульсов. Об этом же свидетельствует большой объем статистических данных, использованных в речи:

В голосовании приняло участие более 82 процентов избирателей. Более 96 процентов высказалось за воссоединение с Россией. [ОПРФ]

...из 2 миллионов 200 тысяч жителей Крымского полуострова – почти полтора миллиона русских, 350 тысяч украинцев, которые преимущественно считают русский язык своим родным языком, и порядка 290–300 тысяч крымских татар. [ОПРФ]

...только в России в прошлом году их (о гражданах Украины – прим. автора) работало почти 3 миллиона человек. По некоторым оценкам, объём их заработка в 2013 году в России составил более 20 миллиардов долларов, это порядка 12 процентов ВВП Украины. [ОПРФ]

...порядка 95 процентов граждан считают, что Россия должна защищать интересы русских и представителей других национальностей, проживающих в Крыму. 95 процентов. А более 83 процентов полагают, что Россия должна это делать, даже если такая позиция осложнит наши отношения с некоторыми государствами. 86 процентов граждан нашей страны убеждены, что Крым до сих пор является российской территорией, российской землёй. А почти – вот очень важная цифра, она абсолютно коррелируется с тем, что было в Крыму на референдуме, – почти 92 процента выступают за присоединение Крыма к России. [ОПРФ]

Создается впечатление, что адресант намерено жертвует эмоциональной составляющей в пользу «сухих» фактов.

Наиболее ярко в данной модели проявляется лингвокультурологическая маркированность синтаксического уровня лексем. Например, во фразе *«Вопрос решили кулуарно, междусобойчиком»* [ОПРФ] концепт *междусобойчик* представляет особый интерес. Фактически это существительное, образованное из двух слов: предлога *между* и возвратного местоимения *собой*. Данный концепт в словаре Д.Н. Ушакова даже имеет толкование: «междусобойчик, -а, м. (разг. шутол.). Приятельская встреча, пирушка в узком кругу» [ТСУ]. В нашем примере *междусобойчик* уже выступает не в качестве существительного, а в качестве наречия. Английский эквивалент данного концепта звучит как *get-*

together – «a friendly informal meeting for enjoyment» [LDELС 2002: 551]. При этом мы видим, что английское существительное образовано уже совсем другими лексическими единицами: глаголом *get* и наречием *together*. Более того, коннотативные фоны лексемы *междусобойчик* и англоязычного *get-together* не совпадают, так как *междусобойчик* является разговорным вариантом, т.е. вариантом стилистически сниженной лексики. А значит подмена одного концепта другим при интерпретации данного коммуникативного отрывка в англоязычной лингвокультуре привела бы к искажению заложенного в нем имплицитного смысла. Невозможность дословной трактовки таких лексических сочетаний, как правило, компенсируется поиском эквивалентов на смысловом уровне или использованием описательных конструкций. При этом далеко не всегда сохраняется возможность адекватно передать изначально заложенный культурологический код.

Другими примерами культурологической маркированности синтаксического уровня лексем служат следующие фразы: *власть достала, опостылела, они (президенты, премьеры, депутаты Рады – прим. автора) «дошли» Украину, что же мы якобы нарушаем?, раструбили на весь мир, нагнули всех, подверстывать под свои интересы, щеголяют лозунгами, он (Крым – прим. автора) никогда не будет бандеровским, военная организация хозяйничала возле нашего забора, во главу угла поставили исключительно коренные интересы людей, по разным соображениям, загладить свою вину, передали из рук в руки просто как мешок картошки [ОПРФ].*

Как и в предыдущей англоязычной модели, сочетаемость лексических единиц как бы формирует некую культурологическую канву данного дискурса, которая, наряду с другими культурно-маркированными концептами и символами, делает данный дискурс национально-специфичным.

Как нами уже говорилось ранее, дискурсивные технологии основной целью реализации имеют достижение успеха. Применительно к нашей модели, успехом можно было бы считать признание другими государствами факта

вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Как известно, на данный момент далеко не все страны (особенно западные) признают Крым российским. В то же время мы не можем утверждать и об отсутствии успеха, т.к. отдельные государства все же признали референдум и подписанный после его проведения договор между Российской Федерацией и Республикой Крым легитимным. Можно говорить о том, что дебаты на эту тему продолжаются и по нынешний день, причем риторика этих дебатов постепенно меняется. Если в целом Запад остается непреклонным в своей позиции о статусе Крыма, то мнения отдельно взятых зарубежных политиков уже не столь однозначно категоричные. Это позволяет утверждать, что данная трансформационная модель является пролонгированной локальной ситуативной трансформацией дискурсивной модели, и еще находится на стадии своей реализации. В таком ракурсе «Крымская речь» В.В. Путина может быть рассмотрена как первичный коммуникативный импульс, направленный на выявление ответных импульсов с целью их анализа и выстраивания дальнейшей стратегии реализации модели.

Обобщая результаты проведенного анализа, приходим к выводу, что в данной дискурсивной модели ядром является президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, который олицетворяет собой собственно страну. Коммуникант в данной модели – это в большей степени инокультурная языковая личность. Хотя номинально данное выступление адресовано членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы и гражданам России, анализ концептосферы позволяет выявить истинного адресата. При формировании коммуникативных импульсов говорящий ограничивает количество лакун, а те, которые встречаются, использованы не только с толкованием денотативного значения, но и с попыткой передать их образное или прагматическое наполнение. В пользу данной теории говорит также присутствие большого количества концептов международного значения, стилистически нейтральных терминов, а также статистических данных. Другими словами, при формировании тактических приемов реализации данных

коммуникативных импульсов, адресант, учитывая параметры совпадения/несовпадения культурных кодов в разных лингвокультурах, сделал ставку на универсальные концепты.

Выводы по Главе 2

В практической части нашего исследования мы рассмотрели 2 разные модели политического дискурса – выступление Дэвида Кэмерона накануне референдума о независимости Шотландии и «Крымскую речь» Владимира Владимировича Путина. Существенное различие этих моделей заключается в том, что первая представляет собой модель политического дискурса, реализуемую в рамках одного лингвокультурного сообщества, в то время как адресат во второй модели – это инокультурная личность, культурный код которой отличается от культурного кода адресанта.

При анализе культурологической маркированности денотативного уровня делаем вывод, что тенденция к использованию лакун и прочих концептов, отражающих национальные реалии, выше при формировании коммуникативных импульсов в рамках единого лингвокультурного сообщества. В случае мультикультурной коммуникации целесообразным представляется сведение к минимуму количества таких концептов в дискурсе. В случаях, когда использование лакун продиктовано самой коммуникативной ситуацией, такие концепты даются с пояснением. В противном случае может произойти разрыв в цепочке ядро – коммуникативный импульс – адресат. По той же причине в русскоязычной модели дискурса минимизировано количество концептов, культурологически маркированных на уровне образного значения слова. Адресант предпочитает таким ментально-значимым концептам символам более нейтральные варианты. Такая тенденция, в частности, наблюдалась в процессе выявления нами синонимического ряда концепта Россия. В.В. Путин избегает метафорических конструкций, используя более универсальные «страна», «государство», либо ограничиваясь собственно топонимом Россия или Российская Федерация. В то же время, в англоязычной модели наблюдается противоположная тенденция. Такой выбор в каждом из случаев продиктован коммуникативными интенциями, а также экстралингвистическими факторами и

языковой личностью адресатов.

Даже в рамках одного лингвокультурного сообщества фоновая информация далеко не всегда совпадает. Это обуславливается тем фактом, что в концепте помимо самого значения заложен общенациональный культурный код, а также личный опыт концептоносителя. Следовательно, в условиях одноязычной коммуникации, когда все элементы модели находятся в единой лингвокультурной плоскости, если данная коммуникация нацелена на широкие общественные массы, оптимальным выбором является использование общественно значимых концептов, в которых общенациональное превалирует над личностным, другими словами, концептов-символов.

Культурологическая маркированность прагматического слоя также может вызывать определенные затруднения при выстраивании коммуникативных импульсов. Особенно это ощущается при межкультурной коммуникации, при которой участники дискурса являются носителями разных культурных кодов, разной ментальности. Если в пределах одной лингвокультуры (в первой проанализированной модели) восприятие всеми участниками дискурса одного и того же концепта на уровне прагматического слоя преимущественно совпадает, то в межкультурной коммуникации коннотативная составляющая одного и того же концепта может существенно отличаться в рамках разных лингвокультур, что в свою очередь может привести к искажению коммуникативного импульса.

Таким образом, учет параметров совпадения/несовпадения коннотативных сем является важной частью метадискурса при выстраивании дискурсивной модели, особенно если данная модель реализуется в рамках многоязычной коммуникации или нацелена на инокультурную языковую личность (как во второй проанализированной в данной работе модели).

Интересно, что если использование таких концептов-символов, лакун и других понятий, обладающих культурологической компонентой на денотативном и/или прагматическом уровне – это контролируемый выбор говорящего, он может осознано оперировать такими концептами, выстраивая

коммуникативные импульсы, то культурологическая маркированность синтаксического слоя происходит на подсознательном уровне и является следствием различий в сигнификативном слое. Контролировать этот слой при выстраивании импульсов практически невозможно, так как процесс сочетания лексических единиц происходит автоматически по определенным фреймам. При этом отдельно взятые лексемы могут не иметь в себе культурологической компоненты, но приобретать ее в сочетаемостных связях (как это было, например, в выражении *to run a campaign*). И хотя имплицитный смысл таких сочетаемостных связей фактически не влияет на содержательную сторону, как и, в большинстве случаев, на коннотативную составляющую импульсов, синтаксический компонент создает некое уникально культурологическое пространство, некий общий коммуникационный фон в том случае конечно, если дискурсивная модель реализуется в пределах одной лингвокультуры. В случае межкультурной коммуникации такие связи в целом не препятствуют реализации коммуникативных импульсов, но могут создавать определенные помехи при их дешифровке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленной работе мы изучили основные понятия таких научных дисциплин как политическая лингвистика и лингвокультурология. Проведенное нами исследование теоретического и практического материала показало, что главной точкой пересечений этих областей является язык. Ведь как известно, политический дискурс в своей основе имеет функцию борьбы за власть. А главным инструментом власти является политический язык. При этом любой язык, в том числе и политический, тесно взаимосвязан с культурой народа, говорящего на этом языке. Он не может существовать вне этой культуры, в нем, как в зеркале, отражается «дух народа», его самобытность, традиции, обычаи. Следовательно, любой дискурс по своей сути является культурно маркированным в большей или меньшей степени.

Если мы говорим о том, что политический язык – это скорее некий определенный «социальный контекст» нежели специфическая форма или грамматика, то мы признаем, что политический язык культурно маркирован. В данной работе нас интересовало какую же роль играет культурологическая маркированность в процессе политической коммуникации, влияет ли он на успешность такой коммуникации.

Проанализировав две модели политического дискурса – англоязычную и русскоязычную, – мы пришли к следующим выводам.

Политический дискурс, как и любой другой дискурс вообще, бесспорно является культурно маркированным. Ядро дискурсивной модели представляет собой лингвокультурную личность, которая в процессе реализации дискурсивной модели опирается на какую-ту определенную языковую картину мира. А языковая картина мира – это не что иное, как «совокупность представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, зафиксированных в единицах языка» (по З.Д. Поповой и И.А. Стернину). Другими словами, можно говорить о том, что

лингвокультурологический фактор является неотъемлемым аспектом в реализации политического дискурса. Влияние данного фактора напрямую зависит от того в одной или нескольких линвокультурных плоскостях осуществляется дискурсивная деятельность. Если в условиях монокультурной дискурсивной модели рациональное использование культурологически маркированных единиц является одним из факторов совпадения параметров коммуникативных кодов, то в случае поликультурной дискурсивной модели лингвокультурологический аспект может сыграть роль барьера на пути коммуникативных импульсов, затруднить их восприятие реципиентами, что в свою очередь может негативно сказаться на формировании ответных импульсов и, в целом, на реализации всей дискурсивной модели.

Таким образом, мы пришли к заключению, что лингвокультурологический фактор не просто играет важную роль в процессе реализации модели политического дискурса, но и в целом способен повлиять на ее исход. Именно поэтому в процессе выстраивания коммуникативных импульсов адресант сознательно, а порой и неосознанно, стремится скорректировать количество и качество культурно маркированной лексики релевантно экстралингвистическим параметрам.

В случае, когда дискурсивная модель реализуется в рамках единого лингвокультурного пространства, – в нашем исследовании такая модель представлена речью Дэвида Кэмерона – лингвокультурологический аспект как правило работает на говорящего, так как присутствует практически полное совпадение культурных и эмоциональных фонов. Одним из ключевых моментов при реализации такой дискурсивной модели будет то, как адресант сумеет воспользоваться этим совпадением, его способность вычленять и оперировать культурно и эмоционально значимыми концептами при выстраивании коммуникативного импульса.

Если же лингвокультурная личность адресанта и адресата не совпадает, то в процессе формирования информационного кода могут возникнуть

определенные трудности. Во-первых, при реализации данной дискурсивной модели можно столкнуться с таким явлением как лакуны, которые не только не несут в себе эмоциональной коннотации для реципиента как представителя иной лингвокультуры, но и в большом количестве могут деструктивно сказаться в целом на восприятии коммуникативного импульса адресатом. Более того, если говорящий способен контролировать наличие культурологической компоненты на уровне, к примеру, денотата, то культурологическая маркированность отдельных уровней находится вне области контроля адресанта. Прежде всего, это относится к синтаксическому слою и выражается в сочетаемостных возможностях лексических единиц разных языков. Как уже говорилось выше, языковые единицы в процессе взаимодействия образуют некое культурологическое пространство, специфичное для каждого лингвокультурного общества.

Не даром существует такое выражение – «говорить на одном языке». Ведь каждый язык – это не просто инструмент общения, это компонент культуры, специфическое мировидение. Именно поэтому, когда при актуализации дискурса, в том числе политического, пересекаются две или более лингвокультурных моделей, информационные фоны никогда не совпадут полностью. Они могут пересекаться в большей или меньшей степени, в зависимости от дискурсивных установок и ораторских способностей адресанта, но определенный пласт имплицитной информации всегда будет оставаться вне зоны этого пересечения. Коммуникативный импульс в процессе своей реализации теряет определенную часть смыслов, при этом приобретая новые, не всегда желательные для говорящего, смыслы. Это связано с различиями в локализации культурологической компоненты в разных языках.

Таким образом, политический дискурс, осуществляемый в рамках единого лингвокультурного сообщества, заведомо представляет собой модель с более высокой степенью реализации, в то время как межкультурный политический дискурс в процессе своей реализации неизбежно встречает

трудности в виде несовпадения культурных кодов, которое ведет к ослаблению или искажению коммуникативных импульсов. Именно поэтому в мире всегда существовала и будет существовать определенная политическая напряженность. Ведь сколько бы не говорилось о необходимости диалога между странами, до тех пор, пока этот диалог ведется на разных языках, всегда будет оставаться недопонимание, несовпадение взглядов и интересов. В силу всего вышесказанного, мы никогда, наверное, не сможем полностью исключить это недопонимание, однако можно попытаться нивелировать его, учитывая при выстраивании коммуникативных импульсов национально-языковые особенности того лингвокультурного сообщества, в котором реализуется дискурсивная модель.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурологическое содержание понятия «дискурс» в современной когнитивной лингвистике // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания. Сб. докладов. СПб. – 2003. – Т.1. – С. 9-18.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
3. Андреева И.В. Концепты «свобода», «справедливость», «закон», «родина» в картине мира русских и американцев // Вопросы культурологии. – 2007. – № 4. С. 11-14.
4. Апресян Ю.Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Апресян Ю.Д. Англо-русский синонимический словарь / Апресян Ю.Д., Ботякова В.В., Латышева Т.Э. и др. – М.: Русский язык, 1979. – С. 500-543.
5. Арнольд К.В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте // Иностранные языки в школе. – 1979. – №5. – С. 10-14.
6. Баранов А.Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. – М.: Центр. совет филос. (методолог.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. – С. 166-177.
7. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М.: Знание, 1991. – 42 с.
8. Бархударов Л.С. К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий // Иностранные языки в школе. – 1980. – № 5. – С. 11-16.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974. – 447 с.
10. Брагина Н.Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 131-138.

11. Будаев А.В., Чудинов А.П. Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – № 20. – С. 75-94.
12. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 405 с.
13. Верещагин Е.М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М., 1983. – 269 с.
14. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
15. Воробьев В.В. Лингвокультурология: (теория и методы). – М.: изд-во росс. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
16. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
17. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М.: Изд-во «Московский лицей», 1993. – 309 с.
18. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
19. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
20. Данилова С. А. Институциональный дискурс, интердискурсивность и дискурсивная гетерогенность // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 30. – С. 316-320. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/65134.htm> (дата обращения 17.04.2017)
21. Зимовец Н.В., Санивская Е.А. К вопросу об единицах лингвокультурологического исследования // Научный журнал «Дискурс». – 2017. – 11 (13). – С. 153-160.
22. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: Дис. ... д-ра филол. наук. – М.: РГБ, 2005. – 364 с.
23. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. Изд.2-е, испр. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 272 с.

24. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
25. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
26. Караулов Ю.А. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
27. Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М., 1989. – С. 3-11.
28. Каримова Б.С. Жанровое пространство политического дискурса // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая. – Алматы, 2006. – №2. – С. 37-41.
29. Киевский национальный институт социологии. Геополитические ориентации и отношение жителей Украины к независимости Украины. URL: <http://kiis.com.ua/index.php?lang=rus&cat=reports&id=713&t=3&page=1> (дата обращения 10.10.2017)
30. Кобозева К.М. Лингвистическая семантика. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
31. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Об одной из единиц описания текста в аспекте диалога культур // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 5. – С. 3-6.
32. Красных В.В. Свой среди чужих: миф или реальность. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
33. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекционный курс – Москва: Гнозис, 2002. – 284 с.
34. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997. – 331 с.
35. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии наук. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3-9.

36. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманитарный изд. центр «Владос», 1996. – 416 с.
37. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
38. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – № 1 (24). – С. 43-48.
39. Митина, И. Е. Русские пословицы и поговорки и их английские аналоги. – М.: КАРО, 2002. – 336 с.
40. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М., 1982. – 272 с.
41. Новый континент. URL: <http://www.kontinent.org/article.php?aid=50812d9be8930> (дата обращения 17.09.2017)
42. Огнева Е.А. Синергия культурно маркированных единиц дискурса: к социолингвистической постановке вопроса // Сетевой научно-практический журнал Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2015 (а), №3. – с. 10-17
43. Огнева Е.А. Трансформация дискурсивной модели социума: проблемы и перспективы // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: Мат. междунар. науч.-пркт. конф. / Отв.ред. Ю.А. Зубок. – Воронеж: ООО «ПТ», 2015 (б). – С. 569-573.
44. Опарина Е.О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культура. Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – № 2 – С. 27-48.
45. Организация государственной власти в России и зарубежных странах. Учебно-методический комплекс / Рук. авт. кол. и отв. ред. проф. Авакьян С.А. – М.: Юстицинформ, 2014. – 692 с.
46. Павловская А. В. Англия и англичане [2-е изд.]. – М.: Издательство Московского университета; Памятники исторической мысли, 2005. – 270 с.

47. Паршин П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования, методологические проблемы: ежегод. – М.: Наука, 1987. – С. 398-423.
48. Паршин П.Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики. Архив 23 марта 1999. URL: <http://www/elections/ru/biblio/parshin/htm/> (дата обращения 14.04.2017).
49. Пескова Е.Н. Политический дискурс: проблемы институализации // Вестник южно-уральского государственного университета. серия: социально-гуманитарные науки. Филология. – 2005. – № 7 (47). – С. 186-187.
50. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А. – М.: [Фонд ИНДЕМ], 2004. – 94 с.
51. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Изд. 4-е, стер. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 101 с.
52. Ревзина, О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. – 2005. – Вып. 8. – С. 66-78.
53. Смирнова Г.В. Понятие концепта в лингвокультурологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М.: Изд-во Московского гос. лингв. ун-та, 2010. – № 603. – С.87-93
54. Соколов А. В. Введение в теорию социальной коммуникации. – СПб.: СПбГУП, 1996. – 319 с.
55. Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. Материалы рабочего совещания (Москва, 30 марта 1997 года) / под ред. Сорокина Ю.А., Базылева В.П. – М.: Диалог МГУ, 1997. – С. 57-67.
56. Социология. 2-е изд., испр. и доп. / Волков Ю.Г., Добреньков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. – М: Гардарики, 2003. – 512 с.
57. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

58. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985. – 170 с.
59. Текст как явление культуры / Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1989. – 197 с.
60. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 208 с.
61. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 440 с.
62. Agar M. Institutional Discourse // Text 5(3). – Amsterdam: Mouton Publishers, 1985. – P. 147-168.
63. Chilton P. A. Politics and Language // The Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. R. E. Asher. – Oxford, New York: Pergamon Press, 1994. – P. 3214-3221.
64. Corcoran P. E. Political Language and Rhetoric. – Austin: Univ. of Texas Press, 1979. – 216 p.
65. Dieckmann W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. – Heidelberg, 1969. – 132 S.
66. Edelman M. Constructing the Political Spectacle. – Chicago: University of Chicago Press, 1988. – 137 p.
67. Fairclough N. Language and Power. – London: Longman, 1989. – 259 p.
68. Graber D. Political Languages // Handbook of Political Communication. – Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. – P.195-224.
69. Meadow R. G. Politics as Communication. – Norwood (New Jersey): Ablex Publ. Co., 1980. – 269 p.
70. Seelye H.N. Teaching Culture: Strategies for Intercultural Communication. Lincolnwood, Illinois USA: NTC Publishing Group, 1993. – 289 p.
71. Seidel, G. Political Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 4. – London: Academic Press, 1985. – P. 43-60.

72. Wodak R. Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // Handbook of Pragmatics. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 1994. – P. 30-42.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Википедия. Путин Владимир Владимирович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Путин,_Владимир_Владимирович (дата обращения 22.01.2017).
2. Даль В.И Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 736 с.
3. Кубрякова Е.С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
4. Ожегов С.И. Словарь Русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. Яз., 1984. – 797 с.
5. [СУМ-11] Словник української мови: в 11 томах. URL: http://ukrlit.org/slovnyk/slovnyk_ukrainskoi_movy_v_11_tomakh (дата обращения 16.09.17)
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. URL: <http://stylistics.academic.ru/> (дата обращения 25.05.17)
7. [ТСУ] Толковый словарь Ушакова. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 16.09.17)
8. [LDELС] Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman (Pearson Education Limited), 2002. – 1568 p.
9. [MED] Macmillan English Dictionary: For advanced Learners. – International Student Edition. – Oxford : Macmillan Education, 2002. – 1692 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. [ОПРФ] Обращение президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603>
2. [DC'sS] Scottish independence: Full text of David Cameron's 'countdown to the referendum' speech. URL: <http://www.prospectmagazine.co.uk/blogs/prospector-blog/scottish-independence-full-text-of-david-camerons-countdown-to-the-referendum-speech>